

Эрих Людендорф
Мои воспоминания о войне.
Первая мировая война в записках
германского полководца. 1914-1918

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618495

Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914-1918:

Центрполиграф; Москва; 2007

ISBN 978-5-9524-2709-9

Аннотация

В книге Эриха Людендорфа, теоретика военного искусства и одного из идеологов германского милитаризма, изложена его точка зрения на события 1914–1918 годов. Во многом благодаря его действиям немецкие войска нанесли ряд поражений русским армиям и вынудили их отступить за пределы Восточной Пруссии. Являясь начальником оперативного отдела Генштаба, Людендорф фактически руководил военными действиями на Восточном фронте в 1914–1916 годах, а в 1916–1918-м – всеми вооруженными силами Германии.

Содержание

Предисловие	4
Мои мысли и действия	5
Льеж	13
Начальник штаба на востоке	18
Танненберг	18
Осенняя польская кампания 1914 г	26
Мазурское сражение, февраль – март 1915 г	35
Летняя кампания 1915 г. против России	41
Ставка главнокомандующего на востоке в Ковно	46
Время затишья	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эрих Людендорф

Мои воспоминания о войне.

Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918

*Я посвящаю эту книгу героям, павшим с верою в величие
Германии*

Предисловие

На протяжении всех четырех лет войны я не вел дневника, не делал никаких записей. Для этого не было времени. Теперь, будучи на покое, я наверстываю упущенное и пишу свои воспоминания о войне, полагаясь главным образом на память. Волею судьбы мне пришлось занимать различные высокие должности. Вместе с генерал-фельдмаршалом фон Гинденбургом, другими государственными мужами мне довелось руководить защитой нашего отечества.

В своих воспоминаниях я намереваюсь рассказать о подвигах немецкого народа и его вооруженных сил, с которыми навечно связано и мое имя. В книге описываются мои собственные переживания, вызванные этой невиданной по своему размаху битвой народов.

Немцы еще не имели времени для глубокого осмысления прошлого: велико бремя выпавших на их долю испытаний. И тем не менее они могут по праву гордиться своими героическими свершениями на фронте и в тылу. Однако следует все же, не теряя понапрасну времени, поскорее извлечь полезные уроки из тех событий, которые привели к поражению Германии; история не щадит народы и цивилизации, охваченные смутой и внутренними раздорами.

Людендорф

Мои мысли и действия

Прекрасно спланированная и великолепно проведенная операция по захвату бельгийской крепости Льеж¹ положила начало серии громких побед германского оружия.

Наступления на Восточном фронте, осуществленные в 1914–1915 гг. и летом 1916 г., и реализацию высочайших требований, предъявлявшихся к командному составу и солдатским массам, можно по праву считать самыми выдающимися свершениями за всю историю войн. Ведь силы русских намного превосходили противостоявшие им германские и австро-венгерские войска.

Война, которую мне и генерал-фельдмаршалу фон Гинденбургу выпало вести с 29 августа 1916 г., т. е. со дня нашего вступления в главное командование сухопутными войсками, по праву принадлежит к тяжелейшим в мировой истории. Ничего более грандиозного и потрясающего воображение человечество еще не знало. Германия со своими слабыми союзниками из всех сил старалась выстоять против остального мира. Необходимо было принимать важные по своим последствиям решения.

Обе стороны сражались на суше и на море так же доблестно, как и прежде, но уже имели в своем распоряжении значительно более мощные огневые средства. И никогда раньше народные массы в тылу не поддерживали свои вооруженные силы с такой готовностью и единодушием. Пожалуй, только французы продемонстрировали нечто подобное во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг.

В последней войне невозможно было провести разграничительную линию между вооруженными силами и народом в тылу, отделить их друг от друга. Эта война стала воистину всенародной для обеих сторон: сплоченными рядами схватились между собой могущественные державы земного шара. А потому нужно было не только победить врага на поле боя, но и подорвать жизненную силу, сломить дух целого народа, парализовать его волю к сопротивлению.

Не трудно и менее рискованно воевать, когда имеешь в своем распоряжении достаточно войск, хорошо вооруженных и оснащенных всем необходимым. Однако в первые три года войны ни мне, ни генерал-фельдмаршалу фон Гинденбургу не выпало подобного облегчения. Мы были вынуждены действовать, исходя из наличных сил, и, выполняя свой солдатский долг, принимать решения, которые, по нашему мнению, были необходимы для достижения победы. И, надо сказать, нам постоянно сопутствовал успех.

Когда мы в марте 1918 г. при благоприятном для Германии соотношении сил перешли в наступление, то смогли одержать ряд крупных побед, однако для окончательного завершения военного конфликта в нашу пользу их оказалось недостаточно. В итоге порыв постепенно угас, а боевая мощь противника заметно возросла.

Эта мировая и всенародная война потребовала от Германии величайших жертв. Каждый отдельный гражданин должен был отдать все на алтарь победы. Нам пришлось бороться до последней капли крови, трудиться до седьмого пота и при этом сохранять бодрость духа и не терять веры в благополучный исход войны, несмотря на трудности и лишения, невзирая на настойчивую вражескую пропаганду, внешне, быть может, и не очень приметную, но обладающую огромной разрушительной способностью.

Только мощные сухопутные войска и военно-морской флот могли обеспечить Германии победу в этой войне. С их помощью Германия вела титаническую борьбу с ведущими мировыми державами. Своими корнями, подобно могучим дубам, вооруженные силы произрастают из глубины немецкой нации, питаются ее соками, получая от своего отечества

¹ Исторические названия мест даны в авторской транскрипции. (Здесь и далее примеч. ред.)

моральную поддержку, кадры, необходимое вооружение и снаряжение. А потому следовало неустанно крепить боевой дух и поддерживать среди немецкого населения воинственные настроения. Все людские и материальные ресурсы были мобилизованы на удовлетворение нужд войны.

Перед отчизной стояли сложнейшие задачи. Она являлась тем источником, из которого германские сухопутные войска и военно-морской флот постоянно заимствовали новую энергию и который поэтому требовалось держать в первозданной чистоте и неизменной готовности. Народ и его армия должны быть едины и неотделимы друг от друга. Боеспособность воинских частей на фронте напрямую зависела от боевого настроения немцев в тылу. Их работа и жизнь, как никогда прежде, были подчинены требованиям войны. И необходимые для этого условия создавали и поддерживали члены германского правительства во главе с полномочным рейхсканцлером.

А это ставило перед руководством войсками еще одну очень важную задачу – принять меры по подрыву устойчивости тылов противника. Разве Германия не имела права использовать это мощное оружие ведения войны, воздействие которого она ежедневно испытывала на себе? Разве не следовало также влиять на душевное состояние гражданского населения в стане врага, как это удавалось ему – и не без успеха – делать у нас? Правда, Германии не хватало одного весьма мощного пропагандистского оружия: она не могла использовать против государств Антанты такое действенное средство, как продовольственная блокада.

Для благополучного окончания этой войны германскому правительству предстояло решить ряд сложнейших задач, и главной из них была – собрать достаточно людских и материальных ресурсов, нужных кайзеру для победы в сражениях и подрыва морали народов противостоявших нам вражеских стран. Подобная деятельность кабинета министров решающим образом влияла на ход боевых действий, она требовала от правительства, депутатов рейхстага, от немецкой нации концентрации всех помыслов на идее войны. Иначе и быть не могло: войска черпали свои силы в народе и реализовывали их на поле битвы.

Поступая энергично и решительно, уделяя повышенное внимание нуждам войны, германское правительство тем самым способствовало скорейшему достижению ультимативной цели – установлению мира и спокойствия.

Эти мысли и соображения генерал-фельдмаршал и я высказали рейхсканцлеру при нашем назначении в главное командование сухопутных войск (ОКХ). Мы выразили готовность к плодотворному сотрудничеству во имя окончательной победы и были полны самых радужных надежд, несмотря на чрезвычайно серьезную ситуацию.

Правительство приветствовало наше вступление на ответственные должности в ОКХ. Мы со своей стороны отнеслись к кабинету министров с полным доверием и откровенностью. Вскоре, однако, между нами возникли серьезные трения, обусловленные различиями во взглядах и оценках. Эти разногласия обернулись для нас глубоким разочарованием и тяжелым психологическим бременем.

В Берлине не воспринимали наше понимание потребностей фронта, центру не хватало политической воли всецело подчинить жизнь немецкой нации единственной цели: войне до победного конца. Вместо того чтобы мобилизовать все наличные силы на нужды войны и добиваться мира на полях сражений, в Берлине избрали другой путь: все громче раздавались призывы к примирению и взаимопониманию. Почему-то предполагалось, что народы государств Антанты с готовностью прислушаются к примирительной риторике и вынудят свои национальные правительства заключить мир между воюющими сторонами. Между тем приверженцы подобной примирительной политики имели слишком слабое представление об умонастроении большинства населения и членов правительства в стане врага, зараженных националистическими идеями и упорно стремящихся во что бы то ни стало одержать верх. Прошлый опыт так ничему и не научил берлинское руководство, ощущались лишь некая

собственная беспомощность перед идеологическим давлением противника, утрата веры в победу и ослабление воли к сопротивлению. В данном случае над борьбой во имя победы возобладало желание поскорее заключить мир.

Не имея твердого руководства, рейхстаг, правительство и весь народ скатывались по наклонной, приближаясь к пропасти. Важнейшие вопросы ведения войны отодвигались в сторону или просто игнорировались. Их полностью вытесняли проблемы внутренней политики, соображения чисто эгоистического свойства, а это в конце концов обернулось для Германии большой бедой.

Быть может, революции, потрясающие сейчас Европу, и в самом деле приведут к установлению нового миропорядка, и народы научатся жить по законам справедливости и мирного сосуществования, но пока этого нигде не случилось.

Главное командование сухопутных войск всегда придерживалось мнения, что мы лишь тогда сможем сложить оружие и думать о всеобщем взаимопонимании, когда само человечество в корне изменится, иначе нас, немцев, ожидает крах. Пальмовая ветвь мира не в состоянии защитить от меча. До тех пор пока люди – и в первую очередь наши противники – остаются такими, какими они были до сих пор, мы обязаны не выпускать из рук оружия и постоянно его совершенствовать. Поэтому мы в ОКХ считали своим долгом требовать от правительства осуществления мероприятий, необходимых, с нашей точки зрения, для успешного продолжения войны.

Со своими проблемами мы обращались в правительственные ведомства и учреждения. Как известно, постоянно меняющаяся обстановка на фронте требует в каждый данный момент быстрых решений, однако в Берлине продолжали работать по привычной схеме мирного времени, и ответы на подчас чрезвычайно важные вопросы мы получали нередко только по прошествии недель. И мы очень сожалели, когда из-за длительной волокиты деловая переписка приобретала характер взаимных упреков. Но у нас буквально земля горела под ногами, и быстрые решения часто помогали избегать крупных потерь.

С великим трудом государственные чиновники привыкали к тому, что с началом войны ОКХ в равной степени делило с рейхсканцлером ответственность за судьбу страны, порой даже просто вынуждено было действовать самостоятельно, на свой страх и риск, когда правительственные органы в Берлине, проявляя нерешительность, уклонялись от выполнения служебных обязанностей.

К сожалению, ОКХ приходилось иногда вторгаться в сферу компетенций других государственных структур: осуществлять контроль над прессой, вводить цензуру, вести работу по пресечению шпионской и диверсионно-подрывной деятельности противника, выявлять внутренние силы, нацеленные на свержение существующего в стране общественного строя. Руководящая роль принадлежала непосредственно Генеральному штабу, а исполнителями его соответствующих распоряжений нередко являлись местные органы власти. На этой почве возникали всевозможные трения, которых можно было бы избежать, твердо следуя внутри страны предписанным курсом при полной поддержке Генерального штаба.

Как первому генерал-квартирмейстеру, мне нередко выпадало лично излагать претензии и требования Генерального штаба германскому правительству; при этом я не особенно обращал внимание на политические пристрастия отдельных государственных деятелей и партий. И те партии, которые больше заботились о примирении, а не об укреплении в народе решимости довести войну до победного конца, неизменно отклоняли наши требования. В конце концов правительство и партии большинства единым фронтом выступили против меня, моей солдатской настойчивости и привычки оценивать ситуацию с чисто военной точки зрения.

Значительно больше сторонников у меня было в партиях, подобно мне исключавших возможность мирного урегулирования разногласий с врагом и выступавших поэтому за веде-

ние войны с высочайшей энергией. Я никогда не обращался к ним за помощью, но постоянно ощущал их доверие ко мне. По этой причине мои внутренние противники навесили на меня ярлык «реакционера», хотя все мои помыслы были сосредоточены только на военных операциях. Если бы мои идеи пришлись по вкусу демократическим партиям и они бы меня поддержали, то в таком случае в глазах правых я, возможно, выглядел бы уже «демократом».

Но я не «реакционер» и не «демократ», я выступаю лишь за благополучие, процветание и могущество немецкой нации, за законность и порядок. Только на таком фундаменте может зиждиться будущее моей отчизны. Во время войны все делалось для победы и сохранения военного и экономического потенциала на послевоенный период.

Бездействие имперского правительства привело к тому, что усилиями моих идейных противников и чересчур рьяных сторонников я оказался втянутым в межпартийные дразги. Что бы я ни делал и ни предлагал, все выставлялось в искаженном виде, выхваченным из контекста, в отрыве от сопутствующих обстоятельств. Распространялись неточные и даже ни на чем не основанные, лживые утверждения. Будучи сам по-солдатски прямолинейным, бесхитростным человеком, я вначале старался не обращать на эти козни внимания; в сравнении с делом, которому я служил, они казались мне довольно мелкими, незначительными. Позднее я всякий раз с глубоким сожалением воспринимал подобные явления, но был не в состоянии что-либо изменить. Я неоднократно обращался к представителям прессы с просьбой: не заниматься так много моей особой. Перегруженный повседневными заботами, я не мог отвечать на все сыпавшиеся на мою голову обвинения и упреки. Не было у меня и трибуны, с которой можно было бы высказать собственное мнение; кроме того, я считал, что немецкий народ достаточно разумен и сам сможет определить, кто же прав. Правительству же пришлось как нельзя кстати иметь под рукой козла отпущения. Вместо того чтобы вступить за меня, оно позволило подстрекателям беспрепятственно действовать, представило меня чем-то вроде диктатора и тем самым усилило враждебное отношение ко мне в обществе.

Очень часто вину за беды и невзгоды, выпадавшие на долю немецкого народа, целиком возлагали на меня. Так, меня посчитали ответственным за ошибки и просчеты со снабжением населения продовольствием, хотя я к этой проблеме не имел абсолютно никакого отношения. Точно так же обстояло дело и с законом о свободе собраний, лежащим вне сферы моих компетенций. Когда зимой 1916/17 г. в стране возникла острая нехватка угля и перебои с подачей транспортных средств, виноватым вновь называли меня, хотя для облегчения положения я даже распорядился откомандировать с фронта на угледобывающие предприятия всех горных инженеров. Никто и не подумал поблагодарить меня за это или хотя бы упомянуть в печати.

В условиях давившей на меня огромной ответственности я искренне желал скорейшего прекращения враждебности и довольно часто высказывался в этом смысле. Однако нам был нужен мир, обеспечивавший Германии свободное процветание, иначе бы все наши жертвы оказались напрасными. На мой взгляд, единственной предпосылкой для заключения мира могла служить откровенная готовность противника к мирным переговорам. Односторонние заявления о нашем стремлении к прекращению войны я считал весьма опасными.

Я прекрасно сознавал, что до подлинного мира было еще очень далеко, сколько бы мы о нем ни говорили и как бы горячо ни желали. Пацифистская идея примирения использовалась многими в качестве оружия против нас, причем среди этого контингента было немало таких, кто действовал, искренне веря в свою правоту. Но думала ли противная сторона точно так же, как наши пацифисты? А если нет, то понимали ли эти люди, что, неоднократно во всеуслышание заявляя о нашей готовности в любой момент заключить мир, они причиняли Германии громадный ущерб, подрывая боевой дух нашего народа, ослабляя его сопротивляемость врагу? Наши пацифисты лишь усилили среди немцев страстное желание мира, не

сделав противника уступчивее, и тем самым затруднили достижение подлинного мира на приемлемых для нас условиях. Государства Антанты своевременно распознали складывавшуюся в Германии ситуацию и извлекли из нее выгоду, а ОКХ не смогло использовать имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы сделать врага более покладистым. Несмотря на присущий им идеализм, именно эти люди повинны в постигшем Германию несчастье!

В действиях наших противников я не усматривал ни малейших признаков, указывавших на их стремление к миру. Всякие рассуждения на этот счет, в печати или в устных беседах, не соответствовали истинному положению вещей. Германское правительство ни разу не продемонстрировало главному командованию реально существовавшую возможность заключения мира.

Разумеется, такой мир, какой мы теперь получили, Германия могла иметь в любой момент. Но какой рейхсканцлер, какой государственный деятель или просто реально думающий немец, заботящийся о благе нации, согласился бы на это? Не только военные, но и большинство немецкого населения отклонило бы подобный мир, пока чувствовало себя достаточно сильным, чтобы продолжать борьбу. Уверенность в собственных силах и способностях должна была бы придать государственным мужам решимости и помочь войскам добыть победу и избавить отчизну от горечи поражения со всеми сопутствующими несчастьями. Враг не оставлял нам выбора, наши желания ничего не значили. Только после военного поражения противника дипломаты могли вести речь о примирении.

Четыре года я и генерал-фельдмаршал фон Гинденбург работали вместе в гармоничном единстве. С глубоким удовлетворением констатировал я, что он стал для немецкого народа олицетворением справедливого воина и предвестника победы.

Генерал-фельдмаршал милостиво позволил мне разделить с ним его славу. Он выразил это особенно проникновенными словами 2 октября 1917 г. во время торжеств по случаю его семидесятилетия.

Роль полководца сопряжена с колоссальной ответственностью как перед всем миром, так – что еще тяжелее – перед своим войском и собственным отечеством. В качестве первого генерал-квартирмейстера я полностью разделял данную ответственность. В любое время я готов отчитаться за свои действия.

Совпадение наших взглядов по вопросам стратегии и тактики стало прочной основой для плодотворного и доверительного сотрудничества. Обычно, после всестороннего обсуждения проблемы с подчиненными сотрудниками, я коротко и четко докладывал генерал-фельдмаршалу суть замысла и порядок проведения очередной военной операции, сопровождая доклад конкретными предложениями по существу.

С особым удовлетворением отмечаю, что генерал-фельдмаршал всегда – начиная с Танненберга и вплоть до моего ухода с военной службы в октябре 1918 г. – соглашался с моими выводами и безоговорочно подписывал составляемые мною проекты приказов.

У нас была также одинаковая точка зрения на эту войну и обусловленные ее характером требования. Не расходились и наши мнения относительно условий мирного урегулирования вооруженного конфликта. Как и я, генерал-фельдмаршал стремился обезопасить немецкий народ от новых нападений в будущем и последовательно боролся за достижение этой цели. И славные дела генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга глубоко проникли в сердца подавляющего большинства немцев. Я испытывал к нему глубокое уважение, верно служил ему, ценил его острый ум, беззаветную преданность кайзеру и чувство долга перед родиной.

Целью моей жизни была работа во имя благополучия отчизны, кайзера и вооруженных сил. Целых четыре года я жил только войной. Пока я командовал войсками на Восточном фронте, мой распорядок дня определялся складывавшейся военной обстановкой. Обычно с 6 или 7 часов утра и до позднего вечера я находился в своем рабочем кабинете.

В спокойные дни, будучи первым генерал-квартирмейстером, я приходил на службу в 8 часов утра. Примерно через час появлялся генерал-фельдмаршал, и мы коротко обсуждали положение на фронтах, наши ближайшие планы и текущие вопросы. В 12.00 мы докладывали его величеству кайзеру. Точно в 13.00 – обед, продолжавшийся полчаса или три четверти часа; в 15.30 я снова был в своем кабинете, в 20.00 – ужин, затем полуторачасовой отдых и вновь работа до 12 или часу ночи.

Этот распорядок нарушался лишь в редких случаях. Во время коротких отпусков (три-четыре дня) мне также приходилось заниматься служебными делами. Со всеми важными участками фронта и командующими войсками союзников поддерживалась телефонная и телеграфная связь. Сообщения из армий поступали регулярно утром и вечером, о всех необычайных происшествиях меня информировали немедленно. Постоянное и непосредственное ощущение бушевавших на широком пространстве ожесточенных сражений давило тяжелым грузом на нервную систему, но ОКХ должно было в любой момент иметь четкое и ясное представление о положении дел на всем протяжении гигантского фронта. Слишком часто из-за отсутствия нужных резервов приходилось спешно принимать важные по своим последствиям решения.

На первом плане всегда были вопросы руководства войсками, обеспечения армии всем необходимым и увеличение военно-производственного потенциала страны.

При моей рабочей загруженности и огромной ответственности мне нужны были в качестве помощников люди самостоятельно думающие и откровенно высказывающие свое мнение, что они и делали порой в довольно резкой форме. Наша совместная работа зиждилась на полном взаимном доверии. Мои ближайшие сотрудники были верными и преданными офицерами, преисполненными высочайшего чувства долга. Разумеется, последнее слово всегда оставалось за мной и решение принимал я лично в силу данных мне полномочий. Война часто требовала быстрых действий. Однако в моих решениях отсутствовал всякий произвол, и если мне когда-либо приходилось поступать вопреки предложениям моих подчиненных, то в этом не было ничего для них обидного. Когда возникали разногласия по тем или иным вопросам, я обычно старался по достоинству оценить различные мнения. Меня радует уважение и слава, которыми заслуженно пользовались мои сотрудники.

Наши взаимоотношения складывались вполне гармонично. Особенно дружественная атмосфера царила во время совместного приема пищи. Генерал-фельдмаршал фон Гинденбург любил живые и интересные беседы, и я в них охотно участвовал, затрагивая иногда и проблемы делового характера; в принципе же обсуждать конкретные оперативные планы за общим столом было не принято.

Часто в столовой или в рабочем кабинете к нам присоединялись командированные офицеры, представлявшие различные рода войск и воинские соединения, иной раз и непосредственно пережившие критические ситуации. От них мы получали сведения о положении в войсках более достоверные, чем из официальных сводок. Я старался поддерживать с фронтовыми частями тесную связь, черпая из этого источника множество ценных практических предложений, которые всегда тщательно изучал и анализировал. Встречами с настоящими воюющими, побывавшими в огне сражений, я особенно дорожил.

Довольно часто у нас бывали высокопоставленные члены федерального и земельных правительств. Рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег посетил нас дважды: осенью 1914 г. в Польше и в феврале 1915 г. в Лётцене. Приезжали к нам и парламентарии. У меня сложилось впечатление, что, независимо от партийной принадлежности, все они охотно бывали у нас. За одним столом с нами иногда сидели представители крупной промышленности, торговли, профессиональных союзов рабочих и служащих.

Приходилось нам принимать также военных атташе и офицерские делегации нейтральных государств, германских и иностранных корреспондентов, членов научных сооб-

ществ и творческой интеллигенции, представителей известных княжеских династий Западной и Восточной Пруссии.

С особым удовольствием встречали мы его величество кайзера и, непринужденно беседуя с ним, всегда чувствовали, что ему приятно бывать у нас. Вообще, я обычно приветствовал появление гостей и сажал их за общий стол; это давало возможность обсуждать насущные вопросы как бы между делом и оставляло мне больше времени для моих чисто военных проблем.

Командующие армиями и группами армий хорошо понимали всю сложность выпавших на нашу долю задач и в силу своих возможностей старались помогать нам. Мы же, со своей стороны, поддерживали с ними тесный контакт и, прежде чем принимать решение, обменивались с ними мнениями относительно наших планов и замыслов. Главному командованию приходилось также заботиться о выработке единых подходов к решению многих проблем, касающихся различных сторон армейской жизни. Это было особенно необходимо, учитывая частые перемещения воинских частей. С некоторыми неизбежными ограничениями командиры боевых подразделений пользовались в пределах своих компетенций полной самостоятельностью.

Я придавал большое значение устным беседам и личным впечатлениям, а потому часто и охотно выезжал на фронт в специальном железнодорожном вагоне, оборудованном под рабочее помещение и оснащенном телеграфным оборудованием. Работа не прекращалась и в пути следования. На заранее намеченных станциях мы получали обычные ежедневные сводки и при необходимости включалась телеграфная связь. Со штабными работниками у меня повсюду наладились вполне нормальные деловые отношения, проникнутые взаимным доверием.

С большим удовольствием я вспоминаю мои посещения штаб-квартиры кронпринца Германского. Хорошо разбираясь в военных делах, он задавал четкие и ясные вопросы по существу. Кронпринц любил солдат и проявлял трогательную заботу о них, был противником войны и искренне желал мира. И это сущая правда, что бы ни говорили его недруги. Он всегда очень сожалел о том, что недостаточно подготовлен для своей будущей роли кайзера, и из всех сил стремился восполнить пробелы в знаниях. По его словам, высказанным в беседе со мной, его положение значительно хуже, чем любого квалифицированного рабочего. Свои мысли на этот счет он изложил в памятной записке, которую передал своему отцу – кайзеру, а также рейхсканцлеру Германии. Внешность его обманывала: он был лучше, чем казался.

Во время моего пребывания на фронте командиры отдельных подразделений подробно знакомили меня с обстановкой, будучи откровенными в своих суждениях, как и мои сотрудники в главном штабе. Они хорошо знали мое желание услышать их личное мнение и получить ясную картину происходящего. За докладом обычно следовало всестороннее обсуждение положений доклада с участием командующих крупными армейскими соединениями, попутно рассматривались и другие интересующие меня проблемы.

Мои контакты с фронтом не ограничивались лишь еженедельными поездками. Каждое утро я связывался по телефону с командующими армиями, и они сообщали мне о своих заботах и намерениях. Часто они обращались ко мне с разнообразными просьбами, хорошо зная, что, если возможно, я непременно помогу. Бывали случаи, когда мне приходилось их успокаивать и подбадривать, после чего они выполняли свои нелегкие обязанности с еще большим энтузиазмом.

Телефонные разговоры с командующими на местах помогали мне правильно ориентироваться в обстановке. При возникновении настоятельной необходимости таким путем передавались и приказы, которые затем дублировались в письменном виде. О моих разговорах по телефону с командирами любого уровня обязательно информировалось соответству-

ющее вышестоящее командование. Я со своей стороны никогда не допускал начальственного произвола, да и повода для этого не было.

Куда я не поспевал, обычно посылали кого-нибудь из штабных офицеров с задачей: изложить командованию замыслы главного штаба или же выяснить обстановку на месте.

Персональные изменения старшего командного состава – явление вполне закономерное. Такая необходимость могла возникнуть, когда на какой-либо участок фронта в силу сложившихся обстоятельств вдруг требовался более опытный военачальник или если кому-то из офицеров нужен был отдых или лечение. Обычно кадровые перестановки регулировал руководитель имперского военного кабинета по представлению компетентных инстанций, для Генерального штаба служебный персонал подбирал его начальник. При этом, однако, избежать несправедливых и даже жестоких решений удавалось не всегда.

Льеж

Штурм крепости Льеж – самое яркое воспоминание всей моей военной биографии. Тогда мне пришлось сражаться в первых рядах, как простому солдату, проявляя подлинное мужество.

Начало войны я встретил командиром бригады, дислоцированной в Страсбурге. Перед этим я долгое время подвизался в Генеральном штабе. Наступление августа 1914 г. явилось практическим воплощением идеи генерала графа фон Шлиффена, спланировавшего операцию на тот случай, если Франция нарушит нейтралитет Бельгии или если Бельгия заключит союз с Францией. В этой ситуации предусматривался ввод германских войск на бельгийскую территорию. Иначе постоянная угроза германскому правому флангу из Бельгии сковала бы любые действия Германии против Франции и не позволила бы достичь быстрой победы. А скорость была необходима, чтобы своевременно предотвратить реальную опасность проникновения русских войск в самое сердце Германии. Война на два фронта, на Востоке и Западе, оказалась бы слишком затяжной, и поэтому фон Шлиффен хотел исключить подобное развитие.

Находясь в крайне невыгодной военно-политической ситуации в центре Европы, окруженные со всех сторон враждебными государствами, мы, если не хотели погибнуть, должны были быстрыми темпами вооружаться с учетом превосходящих сил вероятного противника. Нам было известно о стремлении России развязать войну и об увеличении ею численности своей армии. Россия хотела бы существенно ослабить влияние Австро-Венгерской империи и господствовать на Балканах. Во Франции, с другой стороны, возобладали идеи реванша, желание вновь присвоить себе исконные немецкие земли. Многое происходившее в предшествовавший период во Франции, в том числе и восстановление трехгодичной воинской повинности, недвусмысленно свидетельствовало об истинных намерениях французского правительства. С явным неудовольствием взидала Англия на наш бурный экономический подъем, нашу дешевую рабочую силу и необыкновенное усердие немцев. Германия становилась самой мощной державой континентальной Европы. К тому же она располагала прекрасным, неуклонно развивающимся морским флотом. Англичане видели в нем серьезную угрозу своему мировому господству и привычному образу жизни колониальной империи. Британское правительство сосредоточило большую часть своих военных кораблей, до тех пор бороздивших Средиземное море, в проливе Ла-Манш и в Северном море. Речь Ллойд Джорджа, произнесенная 21 июля 1911 г., не оставила никаких сомнений относительно планов Великобритании, которые та обычно чрезвычайно ловко маскировала. Росла уверенность, что война нам скоро все-таки будет навязана и что это будет схватка, какой мир еще не видывал. Крайне опасно было бы недооценивать военную мощь противника, а подобная тенденция наблюдалась в определенных кругах немецкого гражданского населения.

Еще в преддверии войны, осенью 1912 г., когда стали очевидными коварные замыслы будущих противников, я составил план многократного усиления германских вооруженных сил, в полной мере отвечавший желаниям народа и ведущих политических партий, представлявших парламентское большинство. Мне удалось уговорить генерала фон Мольтке передать мой план рейхсканцлеру, который поручил военному министру рассчитать предполагаемые расходы, не касаясь политической стороны дела. Указанные в смете миллиардные суммы вовсе не свидетельствовали об агрессивном характере предлагавшихся мер, они должны были лишь выравнять чересчур явные несоответствия и помочь практически осуществить положения закона о всеобщей воинской повинности: ведь до сих пор тысячи военнообязанных немцев были лишены возможности выполнить свой долг перед родиной. Требовалось также обновить наши оборонительные сооружения и пополнить материаль-

ные запасы. На все было получено согласие, вот только мое настойчивое предложение о немедленном создании трех новых армейских корпусов не нашло поддержки. Это упущение дорого обошлось нам позднее. Именно этих корпусов нам не хватило в начале войны, а наспеш сформированные осенью 1914 г. соединения страдали серьезными недостатками, обусловленными торопливой импровизацией.

Еще не закончились дебаты вокруг моего плана, когда меня откомандировали в Дюссельдорф и назначили командиром 39-го стрелкового полка. Отсюда меня в апреле 1914 г. перевели в Страсбург.

1 августа 1914 г. была объявлена всеобщая мобилизация. Моя жена сразу же выехала в Берлин: семьи офицеров и государственных служащих должны были, согласно распоряжению, покинуть Страсбург. За четыре года войны моей семье так и не удалось обзавестись собственным домом, встречи с женой были очень редкими и всегда короткими. Загруженный служебными делами, я не мог уделять семье достаточного внимания.

Рано утром 2 августа я выехал в Аахен и вечером уже был на месте. В соответствии с полученным приказом мне предстояло занять должность обер-квартирмейстера 2-й армии, которой командовал генерал фон Бюлов. Но сначала я поступил в распоряжение генерала фон Эммиха; ему была поставлена задача силами нескольких пехотных бригад внезапно захватить бельгийскую пограничную крепость Льеж. Это открывало путь германским войскам в глубь Бельгии. Утром 3 августа я познакомился с генералом фон Эммихом и сразу проникся к нему глубочайшим уважением, сохранив это чувство до самой его смерти.

4 августа германские войска пересекли бельгийскую границу, а в то же самое время в Берлине депутаты рейхстага в патриотическом порыве заявили о своей поддержке правительства, и присутствовавшие руководители различных политических партий, выслушав тронную речь, торжественно поклялись в безусловной верности кайзеру в радости и горе. В этот же день я впервые участвовал в бою возле местечка Бизе около голландской границы. Стало очевидно, что Бельгия давно готовилась к нашему вторжению. Характер разрушений и завалов на дорогах свидетельствовал о планомерной и длительной работе. Позже, на бельгийской юго-западной границе, мы не увидели ничего похожего. Почему же Бельгия не предприняла тех же защитных мер на своей границе с Францией?

Было очень важно захватить речные переправы через Маас у Бизе неповрежденными. Я отправился во 2-й кавалерийский корпус генерала фон Марвица, действовавший на данном отрезке фронта. Он медленно продвигался вперед: приходилось преодолевать многочисленные заграждения и завалы на дороге. По моей просьбе вперед послали роту самокатчиков.² Вскоре один из них вернулся и доложил, что рота была окружена близ Бизе и полностью уничтожена. С двумя сопровождающими я немедленно отправился на место предполагаемого боя и, к моей радости, обнаружил всех солдат самокатной роты живыми, только командир был тяжело ранен выстрелом с противоположного берега Мааса. Память об этом небольшом эпизоде сослужила мне хорошую службу. Он сделал меня невосприимчивым к разного рода «обозным слухам». А великолепные громадные мосты через Маас у Бизе оказались все-таки взорванными: Бельгия основательно подготовилась к войне.

Вечером мы остановились в Нерве – первом населенном пункте на чужой территории – и решили переночевать в гостинице напротив железнодорожного вокзала. Кругом – никаких разрушений, и мы спокойно легли спать. Ночью меня разбудила интенсивная ружейная стрельба, огонь велся и по нашему дому. Партизанская война в Бельгии началась. На следующий день она уже развернулась повсюду и сыграла главную роль в усилении ожесточения,

² *Самокатные части* – специальные воинские формирования, оснащенные самокатами (устаревшее название велосипеда). Появились в армиях ряда европейских государств в начале XX в. Имели на вооружении ручное огнестрельное оружие.

характерного в начальные годы войны для сражений на Западном фронте, если сравнивать их с боями на Востоке. Сознательно и планомерно организовывая народную войну, бельгийское правительство взяло на себя тяжелую ответственность: подобные приемы противоречили общепризнанным международным правилам ведения боевых действий. Неудивительно, что немецкие войска были вынуждены защищаться всеми доступными средствами, однако рассказы о «германских злодеяниях» в Бельгии – это хитро выдуманная и ловко распространявшаяся легенда и – не более того. Вина за страдания ни в чем не повинных гражданских лиц лежит целиком и полностью на бельгийском правительстве. Я сам вступил в сражение с мыслями о рыцарском и гуманном отношении к противнику. Партизанские наскоки неизбежно озлобили бы любого честного солдата. Лично я был глубоко разочарован.

Довольно трудную боевую задачу предстояло выполнить у Льежа передовым бригадам. Требовались героические усилия, чтобы прорваться сквозь линию фортов современной крепости. Войска пребывали в нерешительности. По словам офицеров, мало кто верил в успех операции. В ночь с 5 на 6 августа началось наступление на льежские укрепления. В полночь генерал фон Эммих покинул Нерве. Мы поскакали к месту сосредоточения 14-й пехотной бригады генерал-майора фон Вуссова в местечке Мишеру, в 2–3 километрах от форта Флерон. Солдаты в полной темноте не по-военному сгрудились вокруг столь желанных полевых кухонь, остановившихся на дороге, легко простреливаемой из форта. Из ближайшего дома кто-то произвел в толпу солдат несколько выстрелов, завязалась перестрелка. Однако, как это ни странно, форт молчал. Примерно в час ночи мы выступили. Нам предстояло обогнуть форт Флерон с севера и, миновав за крепостным обводом деревню Ретинне, подойти к форту Шартрез, расположенному на холмах близ Льежа. Прибыть на место намечалось в первой половине дня.

Штаб генерала фон Эммиха находился почти в самом конце походной колонны. Внезапно движение замерло. Пospешив вперед, я узнал, что остановка произошла произвольно, без видимой причины. По сути, я был всего лишь наблюдателем, без каких-либо командных функций, и должен был позднее информировать командование армии о ходе операции вокруг Льежа, а также увязать принимаемые генералом фон Эммихом меры с последующими распоряжениями генерала фон Бюлова. Тем не менее я счел необходимым приказать возобновить движение, но связь с передовыми частями была к тому времени уже потеряна. В беспросветной темноте, с трудом выбирая дорогу, мы наконец достигли Ретинне, однако связаться с авангардом так и не удалось. Выходя из деревни, мы избрали неверный маршрут и наткнулись на противника, встретившего нас сильным ружейным огнем. Вокруг меня падали люди, до сих пор я отчетливо помню шмякающие звуки впивавшихся в человеческие тела пуль. В темноте оценить обстановку было нелегко. Попытки атаковать невидимого врага ни к чему не привели. Обстрел лишь усилился. Мы явно сбились с правильного пути. Нужно было отойти, и это было мучительно: солдаты могли подумать, что я трусил. Но делать нечего, успех операции был важнее, и я стал отползать к окраине деревни, приказав солдатам следовать за мной.

В Ретинне я в конце концов попал на шоссе, ведущее в сторону деревни Кюи-дю-Буаз. Внезапно впереди блеснула яркая вспышка и вдоль дороги, никого не задев, провизжала картечь. Через несколько шагов мы натолкнулись на целую кучу раненых и убитых германских солдат – авангард бригады с генерал-майором фон Вуссовом, попавший ранее под пушечный залп. Я решил принять на себя командование бригадой. Сначала необходимо было справиться с вражеской артиллерией. Капитаны фон Харбоу и Бринкман из штабного персонала вместе с горсткой смельчаков, хоронясь за кустами и строениями, пробрались к батарее и вынудили многочисленную армейскую прислугу сдать ее. Дорога была свободна.

Вскоре мы вступили в Кюи-дю-Буаз, где завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Между тем уже рассвело. Выкатив вперед две гаубицы и с их помощью расчищая путь, мы

медленно продвигались вперед. Несколько раз мне приходилось личным примером поднимать солдат из укрытий в атаку. Наконец деревня осталась позади.

Но тут мы заметили марширующую вдоль Мааса в сторону Льежа военную колонну. Это были бельгийцы, стремившиеся поскорее уйти за реку и не думавшие о защите или нападении. Потребовалось довольно много времени, чтобы выяснить обстановку. Между тем моя бригада пополнилась за счет ранее отставших солдат. Прорыв через оборонительный обвод состоялся. Вскоре к нам присоединился 165-й пехотный полк под командованием полковника фон Овена, а затем прибыл и генерал фон Эммих.

Дальнейший путь прошел без приключений. Обойдя северную оборонительную линию Льежа, мы поднялись из маасской долины на холмы восточнее форта Шартрез. Примерно в 2 часа дня здесь собралась вся бригада. Наши артиллеристы заняли позиции, нацелив орудия на город. Время от времени они давали залп, чтобы, во-первых, подать сигнал другим бригадам и, во-вторых, сделать коменданта и население города более податливыми. Я приказал дать личному составу бригады небольшую передышку и обеспечить едой, заимствуя продукты в окружающих бельгийских домах.

С холмов открывался великолепный вид на лежавший у наших ног город. Из общего хаоса домов на противоположном берегу выделялась старинная цитадель. Внезапно над одной из ее башен появился белый флаг. Генерал фон Эммих приготовился послать туда парламентариев. Я же предложил подождать делегацию с той стороны. Однако генерал со мной не согласился, и капитан фон Харбоу отправился верхом в город. В 7 часов вечера он вернулся и сообщил, что белый флаг вывесили вопреки воле коменданта. Вступать в город было уже слишком поздно, нас ожидала беспокойная ночь.

Мы попали в весьма затруднительное положение. От других бригад не поступало никаких известий. Конные связные пробиться к ним не смогли. Стало ясно: бригада оказалась в одиночестве в поясе оборонительных фортов, отрезанной от внешнего мира. В скором времени можно было ожидать вражеской контратаки. Связывали нас и около тысячи бельгийских военнопленных. Когда стало известно, что ближайший к нам форт Шартрез (довольно древнее сооружение) не занят противником, я отправил военнопленных туда в сопровождении роты солдат. Командир роты, вероятно, подумал: в своем ли я уме?

С наступлением темноты напряжение среди личного состава стало нарастать. Я ходил по позициям, подбадривая людей, призывая сохранять спокойствие, держаться стойко, мужественно и уверяя, что завтра мы будем в Льеже. Это помогало.

Никогда не забыть мне ночи с 6 на 7 августа. Я чутко прислушивался к ночным звукам, не донесется ли откуда-нибудь шум борьбы, и продолжал надеяться, что, быть может, еще какой-нибудь бригаде посчастливилось прорваться сквозь оборонительный обвод. Ничто не нарушало тишины, лишь каждые полчаса одна из гаубиц выпускала снаряд по городу. Напряжение становилось невыносимым. В 10 часов вечера я приказал роте егерей занять льежские мосты через Маас, чтобы обезопасить бригаду от нападения с этой стороны. Не промолвив ни слова, а лишь коротко взглянув на меня, командир роты отправился выполнять приказ. Обошлось без проблем, но подробных сообщений от роты в течение ночи не приходило.

Забрезжил рассвет. Было твердо решено: наступать на город. Пока я обходил позиции бригады, пришел приказ генерала фон Эммиха к выступлению. По мере продвижения бригады многие бельгийские солдаты без единого выстрела сдавались в плен. Согласно первоначальному плану, полковнику фон Овену надлежало занять цитадель, однако дополнительные распоряжения, о которых я ничего не знал, заставили его повернуть полк на форт Лонсин, прикрывавший город с северо-запада, и окопаться на дороге, ведущей из Льежа. Будучи уверен в том, что полковник фон Овен находится в цитадели, я отправился туда вместе с бригадным адъютантом в бельгийском трофейном автомобиле. На месте мы обнаружили, что старинное сооружение по-прежнему в руках неприятеля. Я постучал в запер-

тые ворота, и мне отворили. Выслушав мое предложение о сдаче, бельгийский гарнизон из нескольких сотен солдат без выстрела сложил оружие. Вскоре подоспели основные силы бригады и заняли цитадель, которую я тотчас же подготовил к обороне.

На этом закончились мои добровольно взятые на себя обязательства, и можно было с генералом фон Эммихом распрощаться. Я собирался, следуя проторенной дорогой, покинуть крепость Льеж, чтобы доложить командованию армии о произошедших событиях, посетить другие бригады и организовать подавление фортов с помощью мощной артиллерии. Передовые части 34-й бригады на западном берегу Мааса прорвались через оборонительный обвод, но дальше пробиться не смогли, и атака захлебнулась. Вскоре подошли 11-я и 27-я пехотные бригады, и таким образом генерал фон Эммих уже имел в своем распоряжении довольно крупные силы.

Сердечно простившись с генералом, я в 7 часов утра выехал в Аахен и, пользуясь различными видами транспорта, поздно вечером прибыл на место. В гостинице «Унион» меня встретили как вернувшегося с того света. Здесь же находились мои личные вещи и мой денщик Рудольф Петерс, верой и правдой служивший мне на протяжении долгих шести лет. Быстро поужинав, я выехал на фронт в поисках остальных бригад. Я не раздевался и не снимал сапог почти девяносто часов. Случайно мне встретился мой прежний полк, который в большой спешке грузили в железнодорожные вагоны, чтобы отправить на подмогу частям, сражавшимся у Льежа. Эта операция сильно беспокоила и главное командование в Берлине.

Между тем противник бездействовал, а форты один за другим переходили в наши руки. В конце концов это позволило германским войскам форсировать Маас и беспрепятственно вторгнуться в глубь Бельгии; у меня отлегло от сердца.

За умелое руководство бригадой его величество вручил мне орден «За заслуги». Но первым его получил, разумеется, генерал фон Эммих, ведь он командовал общей операцией. Между тем самую высокую похвалу заслужили многие участники взятия крепости Льеж, покорения ее мощных оборонительных фортов.

С этого момента я участвовал в Бельгийской военной кампании уже в должности оберквартирмейстера и имел возможность на практике досконально изучить вопросы обеспечения войск всем необходимым. Эти знания оченьгодились мне впоследствии, когда я был назначен начальником штаба армии на Восточном фронте.

Начальник штаба на востоке 22 августа 1914–28 августа 1916

Танненберг

Письмо генерала фон Мольтке, в котором он просил меня явиться в ставку и сообщал о моем назначении начальником штаба 8-й армии, дислоцированной в Восточной Пруссии, я получил 22 августа в 9 часов утра в штаб-квартире 2-й армии, расположенной в тот момент на полпути между Вавром и Намюром.

Генерал фон Мольтке, в частности, писал: «Вам поручается новая трудная задача, пожалуй, потруднее, чем штурм Льежа. Я не знаю ни одного человека, к которому я испытывал бы такое доверие, как к вам. Быть может, вам еще удастся спасти положение на Востоке. Не сердитесь на меня за то, что отзываю вас с поста, когда вы уже приготовились к решающему сражению, которое, благодаря Божьей помощи, непременно увенчается успехом. Вы должны пойти на эту жертву ради Отечества. И наш кайзер взирает на вас с надеждой. Разумеется, вы не несете ответственности за случившееся, но с присущей вам энергией вы можете предотвратить худшее. Следуйте же зову родины, чрезвычайно почетному для любого солдата. Я не сомневаюсь: вы сумеете оправдать выраженное вам доверие».

Я узнал также, что на должность командующего 8-й армией прочили генерала фон Гинденбурга, но пока не было известно, где он находится и согласится ли принять командование.

Я гордился своим новым назначением, и меня воодушевляла возможность служить кайзеру, вооруженным силам и любимой родине на важнейшем участке фронта. Любовь к родине, верность кайзеру, сознание, что долг каждого – жить ради благополучия семьи и государства, мне прививали с раннего детства мои родители. Они не были богатыми людьми, мы жили экономно и скромно, но в нашей семье царила атмосфера гармонии и счастья. И отец и мать были всецело поглощены заботой о шестерых детях. И я от всего сердца благодарю своих родителей за все, что они для нас сделали.

В бытность мою молодым офицером я с трудом сводил концы с концами, однако это обстоятельство нисколько не влияло на мою жизнерадостность. Я проводил много времени в своей лейтенантской комнате за чтением книг и документов по общей и военной истории и географии, расширяя приобретенные еще в детстве познания в этих областях. Я гордился своим отечеством и его выдающимися людьми, боготворил великого Бисмарка, его страстную волю и неиссякаемую энергию. С присягой на верность я неразрывно связывал готовность к самопожертвованию. Углубляясь в историю Европы, я все больше убеждался в решающем значении сильных армии и флота для безопасности Германии, которая в прошлом неоднократно становилась полем ожесточенных и опустошительных сражений. Вместе с тем я познакомился с огромным вкладом моих соотечественников в мировую культуру, в прогрессивное развитие человечества, с заслугами королевской династии в деле формирования германского государства.

С переводом в 1904 г. в оперативный отдел Генерального штаба началась, собственно, моя служба на благо вооруженных сил. Под руководством генерала фон Мольтке я совершил множество инспекционных поездок и имел возможность вблизи взглянуть на различные аспекты большой войны.

Мой новый пост в качестве начальника штаба 8-й армии позволял доказать, насколько я способен на практике применить идеи великого военного теоретика генерал-фельдмаршала

графа фон Шлиффена. О большем мечтать во время войны настоящий солдат и не мог. Было жаль, конечно, что я эту должность получил в тот момент, когда мое отечество попало в сложное положение, но моя душа, моя немецкая натура побуждали к конкретным действиям.

В 6 часов вечера я прибыл в Кобленц и немедленно явился к генералу фон Мольтке. Здесь я узнал подробности относительно положения дел на востоке. 20 августа в районе Гумбиннена 8-я армия атаковала Неманскую армию русских, которой командовал генерал Ренненкампф. Несмотря на некоторый первоначальный прогресс, наступление успеха не имело, и армия продолжала отходить на запад, готовясь очистить всю территорию восточнее Вислы. Защищаться продолжали лишь крепости. На южной границе Восточной Пруссии, восточнее Гильденбурга русская Наревская армия генерала Самсонова серьезно потеснила 20-й армейский корпус генерала фон Шольца. По моей инициативе командованию на востоке был спущен приказ, предписывавший: во-первых, 23 августа прекратить отход 8-й армии, во-вторых, 1-й армейский корпус, следовавший по железной дороге из Кёнигсберга в Гёслерсхаузен, направить в Эйлау и, в-третьих, собрать в ударную группу все доступные воинские части гарнизонов городов Торн, Кульм, Грауденц, Мариенбург, Штрасбург и Лаутенбург. Русским было не уйти от новых тяжелых боев.

Встретился я и с кайзером; он пребывал в хорошем настроении, говорил серьезно о положении на Восточном фронте и выражал сожаление, что враг оккупировал часть исконной германской земли. Со словами признательности его величество вручил мне орден «За заслуги». С гордостью и грустью я вспоминаю эту встречу.

Вечером в 9 часов я выехал специальным поездом из Кобленца на восток. Перед самым отъездом мне сообщили о согласии генерала фон Гинденбурга взять на себя командование 8-й армией. В 4 часа утра он сел в Ганновере в мой поезд, и я явился к нему, чтобы официально представиться; так состоялась наша первая встреча. Другие мнения и разговоры на этот счет – чистые выдумки. Я коротко доложил обстановку, и мы легли отдыхать.

В 2 часа пополудни 23 августа мы прибыли в Мариенбург, где нас ожидали представители армейского командования. Положение на фронте в полосе действия 8-й армии к тому времени уже изменилось: отход за Вислу был приостановлен. В Мариенбурге мы словно попали совсем в другой мир. После приподнятой атмосферы успешного наступления на Западе особенно ощущалась общая подавленность. Однако все быстро изменилось и настроение заметно поднялось. Сказывалась дружная работа штабного коллектива, о которой я уже упоминал в самом начале.

Решение о наступлении на Наревскую армию далось нам нелегко. Оно определялось главной задачей – победить, несмотря на превосходство русских в живой силе и техническом обеспечении, и принималось с расчетом на неповоротливость русского военного командования. Общий план операции формировался постепенно, в течение 24–26 августа.

Главный вопрос заключался в том, сумеем ли мы вывести из-под удара армии Ренненкампфа 1-й резервный и 17-й армейский корпуса и объединить с другими частями 8-й армии для совместного удара по Наревской (2-й) армии генерала Самсонова. Ренненкампф не воспользовался своим недавним успехом у Гумбиннена и слишком медленно продвигался вперед. Оба германских корпуса все-таки оторвались от неприятеля и повернули резко на юго-запад в тыл 2-й армии русских, наступавших от Найденбурга на Алленштейн. При этом тылы наших корпусов оказались незащищенными со стороны Неманской армии Ренненкампфа, находившейся на расстоянии двух или трех дневных переходов. И когда 27 августа началось сражение, продолжавшееся не один день, как в прежних войнах, а затянувшееся до 30 августа, все это время армия Ренненкампфа маячила на северо-востоке подобно грозовой туче. Стоило ему выступить, и мы были бы разбиты. Но Ренненкампф едва шевелился, и мы одержали блестящую победу. Немногим известно, с каким волнением и тревогой взирал я все эти долгие дни на Неманскую армию.

Чтобы использовать в полную силу возможности 17-го армейского и 1-го резервного корпусов, необходима была поддержка другой группы войск 8-й немецкой армии. Тяжелые дни пережил и 20-й армейский корпус. 23 августа он занимал высоты северо-восточнее Гильденбурга, развернувшись фронтом на юг, а противник наступал от Найденбурга, т. е. с юго-запада. И хотя генералу фон Шольцу удалось отбить вражескую атаку, ему пришлось все-таки отвести далеко назад свой левый фланг. Многочисленные передвижения, обременительные для германских воинских частей, имели и свою положительную сторону: русские уже чувствовали себя победителями и не верили в способность немцев к дальнейшему серьезному сопротивлению, не говоря уже о широком наступлении, и считали путь на территорию Германии восточнее Вислы свободным.

24 августа нам передали перехваченную радиogramму русских, в которой открытым текстом излагался план действий противника на ближайшие дни. Наревская армия маршировала своим правым флангом на Бишофсбург, а левым – на Ваплиц. Еще левее, уступом назад от Млавы через Зольдау, продвигался 1-й армейский корпус русских.

Южной ударной группе 8-й армии предстояло атаковать наступающие войска Наревской армии с запада. Хотелось бы также, обойдя Зольдау с юга, охватить и 1-й армейский корпус русских. Но на это не хватало сил, хотя соблазн был велик. В конце концов я предложил генералу фон Гинденбургу повести наступление 1-м армейским корпусом от Эйлау в направлении Монтово, а правым флангом 20-го армейского корпуса от Гильденбурга на Уздау и отбросить 1-й армейский корпус русских на юг за Зольдау. После чего нашему 1-му армейскому корпусу надлежало следовать в сторону Найденбурга, чтобы во взаимодействии с 17-м армейским корпусом и 1-м резервным корпусом окружить, по крайней мере, основную массу Наревской армии противника. Этим необходимо было пока ограничиться, если мы хотели выиграть сражение.

Не все прошло так гладко, как изложено выше. Наши войска были сильно измотаны и в ходе непрерывных боев понесли значительные потери. Передача приказов в воинские части была связана с большими трудностями. Кавалерийские разъезды противника подстерегали на каждом шагу. Не было уверенности, что враг даст нам достаточно времени осуществить наши оперативные замыслы.

Особенно мешали тысячи беженцев, тянувшихся за группой генерала фон Шольца. Передвигаясь пешком или на повозках, они заполнили все дороги и не отставали от войск. Внезапное отступление этой армейской группы имело бы печальные последствия как для беженцев, так и для воинских частей. Память сохранила много чрезвычайно грустных эпизодов.

Начало наступления на Уздау было запланировано на 4 часа утра 27 августа. Мы хотели непосредственно на месте проконтролировать взаимодействие 1-го и 20-го армейских корпусов. Но уже в момент выезда из Лёбау в Гильденбург нам сообщили радостную весть о падении Уздау. Я посчитал сражение выигранным, однако я ошибся. К сожалению, оказалось, что Уздау пока не взят. Захватить его удалось лишь ближе к полудню, что означало прорыв позиций Наревской армии на всю тактическую глубину. 1-й армейский корпус отбросил противника за Зольдау и устремился к Найденбургу.

Крайне утомленный 20-й армейский корпус действовал не столь успешно. Не удалось продвинуться вперед и на северном участке фронта. Не совсем довольные мы вернулись во второй половине дня в Лёбау. Вскоре поступило тревожное известие о разгроме 1-го армейского корпуса, будто бы жалкие остатки его прибыли в Монтово. С трудом верилось в правдивость информации. Как сообщил на наш запрос по телефону комендант тамошнего вокзала, в Монтово сосредотачивались части 1-го армейского корпуса. Как выяснилось позднее, действительно один батальон этого корпуса, попав в тяжелое положение, вынужден был отступить. Потом вновь вызвали волнение в большой спешке шедшие в тыл через Лёбау

длинные обозы. Много всего наваливается порой на руководителя, он должен обладать крепкими нервами. Дилетант полагает: война – это чисто математическое уравнение с определенными величинами, но это совсем не так. Любое сражение требует огромного обоюдного напряжения физических и духовных сил, причем это дается еще труднее, если противник обладает численным превосходством. Война предполагает совместную работу с людьми различных характеров и собственных взглядов на вещи. Объединить их для общего дела может только железная воля руководителя.

Кто, не попробовав себя в роли командующего на войне, берется критиковать действие командного состава, должен сначала хорошенько изучить военную историю. А я, со своей стороны, пожелал бы этим людям самим хоть раз поуправлять крупным сражением. Испытав на себе все переживания и страхи, связанные с лихорадочно меняющейся обстановкой и тяжелым бременем личной ответственности, эти критиканы, безусловно, стали бы вести себя значительно скромнее. Для истинного солдата нет ничего почетнее и тяжелее, чем быть во главе целой армии или даже всего войска.

Поздно вечером в Лёбау поступило сообщение о том, что 1-й резервный корпус достиг Вартенбурга. Перед 17-м армейским корпусом находился 6-й армейский корпус русских, потерпевший поражение 26 августа близ Гросс-Вёссау и отступавший через Ортельсбург в район южнее Бишофсбурга. Преследовали его лишь отдельные части 17-го корпуса, а главные силы этого корпуса располагались 27 августа в окрестностях Менсгута.

28 августа 1-му армейскому корпусу нужно было занять Найденбург. Между тем он уже, не дожидаясь приказа, по собственному почину, повернул в этом направлении. 20-й армейский корпус продолжал наступление, начатое еще накануне; особенно быстро продвигалась 41-я пехотная дивизия. Атаковать Хоенштейн было поручено 1-й ландверской³ дивизии. 1-й резервный и 17-й армейский корпуса, обезопасив себя от возможного удара русских со стороны Ортельсбурга, должны были сосредоточиться в районе Алленштейна – Пассенгейма.

Ранним утром 28 августа мы выехали в деревню Фрёгенау и остановились под открытым небом у ее восточной окраины. С 1-м армейским корпусом нас связывала тонкая ниточка полевого телефона, с другими воинскими соединениями связи вообще не было.

Первые сообщения с места боев не особенно радовали. И хотя Найденбург захватить удалось, атака 41-й пехотной дивизии на Ваплиц, предпринятая под покровом тумана, была с большими потерями отбита, и дивизия окопалась западнее этого города, в тревоге ожидая контратаки русских. По моему распоряжению к ней выехал в автомобиле штабной офицер связи, который нашел ее изрядно потрепанной. Ополченцы, воевавшие близ Мюлена, топтались на месте; это ставило под угрозу правый фланг 20-го армейского корпуса, вздумай противник перейти здесь объединенными силами в наступление. Тогда сражение могло затянуться, что позволило бы Ренненкампу прийти на помощь 2-й (Наревской) армии Самсонова. Но против 41-й пехотной дивизии враг ничего не предпринял, и 1-я армия Ренненкампа не тронулась с места.

После полудня обстановка еще больше изменилась в нашу пользу. Западнее Хоенштейна 3-я резервная и 37-я пехотная дивизии очистили от неприятеля значительную территорию, а Гольцевская ополченческая дивизия, спешно переброшенная из Шлезвиг-Гольштейна, вошла в Хоенштейн. Во вражеских позициях обозначились зияющие бреши. Генерал фон Гинденбург выехал со штабом в Мюлен. По дороге нам встретились нескончаемые колонны русских военнопленных, которые отправлялись в тыл под охраной. Производили они довольно неприглядное впечатление.

³ Ландвер (от нем. Land – страна и Wehr – защита) – категория военнообязанных 2-й очереди и создававшиеся из них в военное время второочередные воинские формирования в Пруссии, Германии, Австро-Венгрии в XIX – начале XX в.

Вечером мы перебрались в Остероде. Уже не было никаких сомнений в том, что сражение мы выиграли. Но можно ли было считать это полным разгромом русских, мы еще не знали. Между тем 1-й армейский корпус получил приказ отправить сводный отряд в Вилленберг, туда же мы перебросили 17-й армейский корпус: нужно было лишить русских возможности к отступлению.

В течение ночи мы узнали подробности с мест боев. 13-й армейский корпус русских, продвинувшись от Алленштейна к Хоенштейну, серьезно потеснил ополченцев. Наш 1-й резервный корпус вышел в район Алленштейна и при дальнейшем движении замкнет кольцо вокруг 13-го корпуса противника и покончит с ним. В это же время 1-й и 17-й армейские корпуса отрежут пути отхода остальным частям противника.

29 августа в первой половине дня я решил отправиться в Хоенштейн, чтобы разобраться с ситуацией. Дорога пролежала через поле недавнего боя, и открывшаяся картина потрясла меня. Восточнее Хоенштейна сбились в одну кучу маршировавшие немецкие колонны и толпы русских военнопленных. С трудом удалось навести порядок.

Битва заканчивалась. 3-я резервная дивизия глубоко вклинилась в оборонительные порядки противника, достигла населенного пункта Мушакен, восточнее Найденбурга. Здесь неоднократно пытались вырваться из окружения отступавшие в панике русские. Особенно ожесточенные схватки происходили 30 августа, однако они уже не могли что-либо изменить в окончательном итоге сражения.

Генерал Самсонов застрелился. Пленные русские генералы были доставлены в Остероде и предстали перед генералом фон Гинденбургом. Цифры, касающиеся количества убитых, раненых, пленных и военной добычи, хорошо известны и многократно упоминались в соответствующей литературе. Широко распространявшиеся истории о том, что русских тысячами загоняли в непроходимые топи на верную гибель, – сплошное вранье. В той местности, где проходил заключительный акт трагедии, болот нет и в помине.

Так закончилась одна из самых блестящих военных операций в истории человечества. Войска, неделями терпевшие неудачи, совершили настоящий подвиг, покрывший славой не только командование и войска, каждого офицера и солдата, но в первую очередь нашу великую отчизну.

Германия и Австро-Венгрия ликовали, мир хранил молчание. По моему предложению эту Восточно-Прусскую операцию назвали «сражение при Танненберге» в память о Грюнвальдской битве (1410), когда немецкий Тевтонский орден потерпел сокрушительное поражение от объединенного литовско-польского войска.

Но по-настоящему радоваться великолепной победе я был не в состоянии: слишком велико было пережитое нервное напряжение, вызванное постоянной угрозой нападения со стороны армии Ренненкампа. И все-таки мы страшно гордились своим свершением. Успех явился результатом удачного прорыва позиций неприятеля и его окружения, несгибаемой воли к победе и трезвого расчета.

В протестантской церкви Алленштейна генерал фон Гинденбург и я отслужили благодарственный молебен.

Меня наградили Железным крестом 2-го класса, которым я всегда гордился. Вспоминая Льеж и Танненберг, я по сей день испытываю глубокое удовлетворение. За долгие годы войны Железный крест 2-го класса несколько утратил свою былую ценность, что достойно сожаления, но вполне объяснимо. Тем не менее всякий, получивший заслуженно этот орден, должен, не стесняясь, с гордостью носить его.

Времени отдохнуть и хотя бы немножко расслабиться у меня не было. Требовалось готовить войска к дальнейшим походам. Только что окончив одно сражение, уже готовиться к следующему – задача нелегкая.

И хотя Ренненкампф – вероятно, под впечатлением разгрома Наревской армии Самсонова – и оттянул на несколько километров свои передовые части, он, судя по всему, не собирался покидать территорию между рекой Прегель и Мазурскими озерами. 8-й немецкой армии предстояло вновь вступить в бой и для этого сосредоточить все наличные силы. Для осуществления замысла с запада нам в подмогу были переброшены по железной дороге дополнительные воинские соединения, разгрузившиеся в районе Алленштейна – Эльбинга. В это время подразделения самой 8-й армии заняли исходные позиции на линии Вилленберг – Алленштейн. Немногочисленный заслон оставили близ Зольдау; этим подразделениям надлежало вторгнуться в Польшу с выходом к Млаве.

По окончании перегруппировки и сосредоточения войск намечалось атаковать позиции Ренненкампфа по всему фронту от Прегеля до Мазурских озер с охватом его левого фланга с юга. Войска нашего правого фланга должны были обезопасить армию со стороны Августова и Осовца, куда ожидалось прибытие вражеских войск. Объединенные силы 8-й армии наносили удары по позициям русских тремя группами: у Мазурских озер, восточнее Лётцена и в направлении Лыка.

Выдвижение войск на исходные рубежи началось 4 сентября. Уже 7 сентября перед сильно укрепленными позициями русских на линии Велау – Гердауен – Норденбург – Ангербург (между Прегелем и Мазурскими озерами) были сосредоточены Гвардейский резервный, 1-й резервный и 20-й армейский корпуса, которые согласно плану перешли в наступление через два дня. Развивалось оно для нас не очень благоприятно: русские непрерывно контратаковали.

И восточнее Лётцена дела складывались поначалу не совсем удачно. 17-й армейский корпус, а также 1-я и 8-я кавалерийские дивизии, преодолев 8 и 9 сентября полосу внушительных укреплений, оказались в болотистой местности и резко замедлили продвижение вперед. 1-й армейский корпус, наносивший удар через Николайкен и Йоханесбург, пришлось восточнее цепочки озер повернуть резко на север, чтобы облегчить выгодное положение 17-го корпуса. 3-я резервная и Гольцевская ополченческая дивизии продолжали движение в общем направлении на Биаллу – Лык и уже 8 сентября натолкнулись на значительно превосходящие силы противника.

Эта новая операция 8-й армии была задумана необыкновенно смело. Ей противостояла более многочисленная Неманская (1-я) армия, включавшая 24 пехотные дивизии. В 8-й же армии насчитывалось всего 16 дивизий. Дивизии русских состояли из 16 батальонов, а немецкие – из 12. Кроме того, у противника в районе Осовца и Августова находилось в резерве от четырех до шести дивизий. В любой момент можно было ожидать вражеского контрудара против нашего правого фланга восточнее озер. Но и при таком соотношении сил мы вовсе не думали отказаться от своих планов наступления. На нашей стороне была лучшая военная выучка. Танненберг обеспечил нам солидное преимущество.

Ранним утром 10 сентября поступило чрезвычайно обнадеживающее известие: севернее Гердауена, в полосе действий 1-го резервного корпуса, противник отошел с занимаемых позиций. Легко можно себе представить охватившую нас радость. Слов нет, крупный успех, хотя и не окончательный. Русская армия еще не была разбита. Теперь нужно было энергично, по пятам, преследовать отходящие русские войска и в тесном взаимодействии с собственными частями навязывать им прямые столкновения. В то же время нашему правому флангу надлежало, двигаясь к дороге Вирбаллен – Ровно, охватить противника с юга; мы намеревались прижать его к Неману. Вместе с тем нельзя было сбрасывать со счетов, что Ренненкампф все еще был способен во взаимодействии с прибывшими с юга подкреплениями нанести контрудар в любом стратегическом направлении. Линия наших боевых порядков была повсюду слишком тонкая, хотя обеим северным группам, до тех пор разделенным

Мазурскими озерами, теперь удалось соединиться. Между тем на всех участках растянутого фронта продолжала сохраняться довольно напряженная обстановка.

События развивались не совсем так, как я ожидал. Друзья и враги – все перемешалось. Случалось, свои стреляли по своим. Отдельные подразделения шли отчаянно напролом, не дожидаясь поддержки соседей.

И все-таки командный состав 8-й армии великолепно зарекомендовал себя. За четыре дня германские войска, сражаясь и напрягая все силы, прошли победным маршем более 100 километров. Наше неотступное преследование, сопряженное с постоянными фланговыми охватами, совершенно измотало русскую армию, и она ушла за Неман обескровленной. В ближайшие недели ее можно было уже не брать в расчет как полноценную боевую единицу, по крайней мере до тех пор, пока русские не доставят ей свежее пополнение.

Результат этого сражения не был столь впечатляющим, как битва у Танненберга. Окружить противника не удалось, он успел отойти, и бои свелись к фронтальным и фланговым столкновениям далеко за пределами границы у Вирбаллена. А в этот момент на южном участке фронта, в районе Сувалок, Августова и Осовца, схватки продолжались с неослабевающей силой. У Танненберга мы захватили свыше 90 тысяч военнопленных, здесь же – всего 45 тысяч.

Второе сражение не получило того признания, какое оно по праву заслуживает, хотя, широко задуманное и планомерно осуществленное против более мощного противника, оно было чревато многими опасностями. Однако неприятель не использовал всей своей силы и, не приняв решающего боя, начал поспешное отступление, превратившееся под нашим постоянным давлением в беспорядочное бегство.

При движении 8-й армии из района Алленштейна в глубь вражеской территории армейское командование следовало непосредственно за своими воинскими частями. Я неизменно старался поддерживать самый тесный контакт с войсками и командирами всех рангов. Это, помимо прочего, обуславливалось необходимостью оперативно управлять действиями отдельных войсковых подразделений и иметь с ними надежную связь; ведь технические средства коммуникаций были еще очень несовершенны. Телефонная сеть в Восточной Пруссии была тогда еще недостаточно развита. Обслуживающий персонал частично покинул свои рабочие места. Только соединения кавалерии и командование армии располагали нужной радиоаппаратурой. Поэтому мне волей-неволей приходилось самому мотаться по воинским частям в автомобиле и рассылать повсюду штабных офицеров. Немногие имеющиеся у нас самолеты были мне нужны для воздушной разведки, использовать их для передачи сообщений я себе позволить не мог. Невзирая на скудость средств связи, нам все-таки удавалось быть постоянно в курсе событий и своевременно доводить до сведения полевых командиров распоряжения главного командования. Я нередко лично подбадривал людей и вмешивался в дела, если это казалось мне необходимым для успеха операции.

В ходе сражения нам пришлось сменить несколько штаб-квартир. В Норденбурге мы впервые попали в помещение, которое длительное время занимали русские. Грязь кругом была просто невообразимая. Мы также имели возможность подробно осмотреть долговременные окопы русских, и наши сердца наполнились благодарностью Всевышнему за то, что не пришлось брать их штурмом: они стоили бы нам много крови. Пребывание неприятельской армии в Восточной Пруссии обошлось ее жителям недешево, и мы гордились своим участием в освобождении исконно немецкой территории от врага. Ликование и благодарность населения не знали границ. Не для того культивировалась наша земля, чтобы плодами трудов наших предков пользовались чужеземцы. Избави Бог нас от такой напасти.

14 сентября мы были уже в Инстербурге, преисполненные сознанием блестящей победы и крупного успеха. Тем неожиданнее был для меня приказ о моем переводе в Бреслау

в качестве начальника штаба вновь создаваемой Южной армии под командованием генерала фон Шуберта.

А обстановка в Галиции тем временем резко ухудшилась. Огромные силы русских навалились на австро-венгерские армии и в конце августа наголову разбили их западнее и восточнее Львова. Теперь эти армии с большими потерями отошли за реку Сан. Стала реальной угроза вторжения противника в Моравию, а затем и в Верхнюю Силезию. Терпящих бедствие австро-венгров срочно требовалось уберечь от полного уничтожения.

В приказе, полученном мною в Инстербурге, говорилось, между прочим, и о том, что два армейских корпуса 8-й армии должны влиться во вновь формируемую в Верхней Силезии так называемую Южную армию. Все это походило на оборонительные меры. Но этого было недостаточно для мало-мальски приемлемого восстановления положения в Галиции. Нельзя было ограничиваться лишь пассивной обороной, следовало активно действовать. Поэтому в телефонном разговоре с главным командованием сухопутных войск я сразу же предложил главные силы 8-й армии под командованием только что произведенного генерал-полковника фон Гинденбурга перебросить в Верхнюю Силезию и Польшу. Для защиты же Восточной Пруссии – если вдруг русским вновь вздумается со свежими силами вторгнуться на эту многострадальную землю – можно оставить некоторые боеспособные армейские подразделения.

Генерал фон Мольтке пообещал изучить мое предложение и информировал меня со своей стороны о ситуации на Западном фронте. До тех пор мы пользовались только слухами. По словам Мольтке, германское наступление потерпело неудачу. Был отдан приказ об отходе с Марны, обоснованно или нет – установить ни тогда, ни после я не смог. Война, мол, затягивается и потребует от Германии мобилизации всех сил; все должно быть подчинено ее нуждам... То был мой последний официальный телефонный разговор с этим действительно выдающимся человеком. С этого момента общее руководство военными операциями перешло к военному министру генералу фон Фалькенхайну.

Вечером 14 сентября я распрощался с генерал-полковником фон Гинденбургом и моими коллегами. Мне было грустно расставаться с теми, с кем участвовал в двух крупных и успешных сражениях. Генерал фон Гинденбург неизменно одобрял мои предложения и охотно скреплял их своей подписью. Между нами, мыслившими в унисон, сложились прекрасные отношения взаимного доверия. В штабе царил атмосфера единодушия по всем вопросам ведения войны.

Рано утром 15 сентября я в автомобиле покинул Инстербург и через Грауденц и Торн проследовал в Бреслау, пребывая в полном неведении относительно моей новой служебной деятельности, которая, по моим представлениям, должна была существенно отличаться от прежней, но быть не менее важной и разносторонней.

Осенняя польская кампания 1914 г

Утром 16 сентября я прибыл в Бреслау и вскоре получил телеграмму, в которой сообщалось о принятии главным командованием сухопутных войск моего предложения от 14 сентября, переданного мною в телефонном разговоре с генералом фон Мольтке. Основные силы 8-й армии под руководством генерала фон Гинденбурга перебрасывались в Верхнюю Силезию для оказания помощи австро-венгерским войскам. Они должны были составить ядро новой 9-й армии и включали: 8-ю кавалерийскую, 35-ю резервную и ополченческую (графа фон Бредова) дивизии, 11, 17, 20-й армейские и Гвардейский резервный корпуса.

По мнению командования армии, ее следовало бы сосредоточить на участке между Бойтенем и Плешевом. Однако ОКХ считало, что район сосредоточения и развертывания следует перенести далее на юго-восток, чтобы нагляднее продемонстрировать готовность Германии поддержать Австро-Венгрию. В результате правый фланг 9-й армии коснулся Кракова, а левый растянулся дальше на юг. Непосредственная близость австро-венгерских позиций неизбежно уменьшала свободу маневра. Правда, в целом данная расстановка сил была ничуть не хуже предложенной ранее армейским командованием.

17 сентября в Бреслау с частью своего штаба прибыл генерал-полковник фон Гинденбург. Итак, мы снова оказались вместе на важнейшем участке Восточного фронта.

Уже 18 сентября я выехал в Нойсандес, в штаб-квартиру австро-венгерских войск. По дороге я имел возможность познакомиться с неизвестным мне ранее регионом – Верхнесилезским промышленным бассейном. Какой резкий контраст с Галицией, самой неразвитой областью Европы!

В Нойсандесе я явился к эрцгерцогу Фридриху, человеку с истинно немецкой душой и подлинным военным мышлением. Главным руководителем всех войсковых операций австро-венгерских армий был генерал фон Конрад, человек высокого ума и огромной эрудиции, полководец, необычайно богатый идеями, постоянный источник новых импульсов для австро-венгерской армии, которая, однако, была недостаточно сильной, чтобы успешно претворять в жизнь его смелые замыслы. Она не обладала необходимым для подобных свершений боевым настроем, была недоукомплектована и скудно оснащена и не пользовалась в своей стране тем уважением, какое проявляло к собственным вооруженным силам население Германии. Кроме того, большинство лучших представителей офицерского корпуса и наиболее храбрых и опытных солдат осталось навеки на полях первых сражений.

Отношения между мной и генералом фон Конрадом были вполне дружелюбными, и это положительно сказывалось на нашей совместной работе. В этот мой приезд мы подробно обсудили детали предстоящих кампаний. Отступая, австро-венгерская армия пересекла не только реку Сан, но и реку Вислоку, и получилось, что 40 дивизий скучились на узком пространстве западного берега Вислоки, между Карпатами и Вислой. Войска были изрядно потрепаны, и со стороны генерала фон Конрада явилось настоящим геройством, когда он, обратившись за помощью к Германии, уже в начале октября предпринял новое наступление.

9-й армии предстояло обезопасить северное крыло австро-венгерской армии и сопровождать ее при наступлении к северу от Вислы. При столкновении с русскими она должна была прикрывать левое крыло австро-венгерских войск и одновременно не спускать глаз с собственного обнаженного левого фланга.

В широкой, открытой на запад излучине Вислы находилось к тому времени несколько кавалерийских дивизий и стрелковых бригад русских, которые были не в состоянии воспрепятствовать тому, что германская пограничная стража прочно заняла позиции на польской территории, а корпус ландвера под командованием Войрша беспрепятственно проследовал

через польский город Радом до Вислы и здесь, у впадения в нее реки Сан, форсировал водную преграду.

Основная масса русских войск была сосредоточена восточнее реки Сан, а западнее ее и также в верховьях рек Нарев и Неман находились лишь их разрозненные части. Учитывая расположение боевых соединений противника, можно было ожидать, что, несмотря на все трудности, он будет и дальше преследовать австро-венгерские войска, не задерживаясь у устья реки Сан, но с какими конкретно силами и с каким размахом – было трудно определить заранее. На самом деле, поняв подлинный смысл маневра 9-й армии, русские, переправившись через Вислу, предприняли широкое наступление на всем протяжении от Варшавы до впадения реки Сан. К моменту начала совещания в Нойсандесе обстановка еще окончательно не прояснилась, и нам пришлось ориентироваться на наиболее вероятный вариант дальнейшего развития событий – продвижение русских за рекой Сан и севернее верховьев Вислы. Наши оперативные планы мы согласовали довольно быстро и без каких-либо осложнений.

27 сентября 9-я армия находилась в полной боевой готовности возле Кракова и в Верхней Силезии со штаб-квартирой в Бойтене. Положение наших союзников к концу сентября заметно улучшилось. За рекой Вислокой противник продвигался довольно вяло. Австро-венгерские войска смогли отдышаться и в первых числах октября начать наступление. Запланированные для нанесения удара из района Средней Вислы 1-я австро-венгерская армия и корпус Войрша, великолепно проявивший себя во взаимодействии с союзниками, стояли между рекой Дунаец и Краковом, готовые примкнуть к 9-й немецкой армии.

28 сентября 9-я армия перешла в наступление. Противник поначалу, не оказывая сопротивления, стал отходить. Ставка командования переместилась в Вольбром, затем в Мехув и далее в Ендрищев. Первый пункт, по сути, – маленький фабричный поселок, два других – типичные польские грязные городки, зараженные клопами. Прибыв в Мехув, мы оказались очень близко от передовой: в окрестностях часто появлялись казачьи разъезды. Чтобы избежать нежелательной встречи с ними, генералу фон Войршу, прибывшему с докладом к генерал-полковнику фон Гинденбургу, пришлось добираться круглыми путями. В Кельце, однако, наши помещения вновь были вполне приличными, и это существенно облегчало нашу работу.

Продвижение вперед стоило нашим войскам огромных усилий. Дороги были непроезжие, погода – скверная. И тем не менее солдаты маршировали по 30 и более километров в день, чтобы успеть застать противника во время переправы через Вислу или же – что еще лучше! – схватиться с ним еще на этой стороне.

Все более четкие очертания принимал оперативный план, согласно которому австро-венгерским частям, действовавшим южнее Вислы, следовало нанести решающий удар, снять осаду с крепости Перемышль и форсировать Сан, а частям, расположившимся севернее Вислы, надлежало прочно удерживать свои позиции. Выполнить задуманное можно было, только если неприятеля догнать еще до подхода к Висле. Если он закрепится на западном берегу реки с превосходящими силами, то нам, более слабым в численном отношении, против него было не выстоять. И общая картина гигантского сражения начала постепенно меняться. Эту битву можно считать одной из наиболее противоречивых и динамичных за всю историю войн; в этом ей, во всяком случае, принадлежит одно из первых мест.

Командованию ежедневно приходилось принимать весьма непростые решения. Командиры частей нередко действовали на свой страх и риск, энергично наступая или из осторожности уклоняясь от лобового столкновения. И без того недоукомплектованные подразделения армии были слишком удалены друг от друга, но все они упорно стремились к единой цели.

Успешные действия отдельных воинских частей во многом зависят от своевременного их снабжения всем необходимым, а это давалось нелегко при отвратительном состоянии дорог и неблагоприятной погоде, даже магистральное шоссе Краков – Варшава утопало в грязи. Над улучшением дорог без устали трудились как войсковые отряды, так и специальные дорожно-строительные роты. Когда во второй половине октября мы отступали, то дороги выглядели уже совсем иначе. Мы принесли с собой в эту местность совершенно другой, более высокий уровень культуры.

Не лучше обстояло дело и с железными дорогами. Первостепенное значение для нас имел железнодорожный путь на Кельце, пролежавший через мехувский туннель, который был разрушен и который требовалось восстановить в кратчайшие сроки. Кроме того, необходимо было перешить на стандартную европейскую широкую российскую колею, построить и отремонтировать железнодорожные мосты.

Благодаря самоотверженной работе отдельных офицеров моего штаба была создана устойчивая связь с нужными учреждениями в Германии. Одним словом, все трудности были своевременно преодолены, чтобы не мешать осуществлению планировавшихся операций.

С техническими средствами связи было тяжелее, чем в Восточной Пруссии. Русские, отступая, спилили или разрушили все телеграфные столбы. Пришлось довольствоваться полевой телефонной связью, но мы не были слишком избалованы. По-прежнему хорошо зарекомендовали себя конные посыльные, широко использовались для этих целей легковые автомобили. Хорошую службу сослужили и редкие радиостанции. В любом случае я всегда имел ясное представление об обстановке и мог своевременно передать нужный приказ. Местное население не чинило нам никаких препятствий, оно было послушным и безропотно выполняло все наши распоряжения.

4 октября главные силы австрийцев перешли в наступление и, переправившись 5 октября через Вислу, уже 9 октября достигли реки Сан. Вместе с австро-венгерскими войсками 4 октября у Климотова и Опатова отважно сражались части правого крыла 9-й армии. 20-й армейский корпус пробился в район северо-западнее Кельце, 17-й армейский корпус – к Радому, а левое армейское крыло вышло на линию Томашево – Колюшки.

К тому времени стало достоверно известно о разгрузке близ Варшавы сибирского армейского корпуса и о развертывании на участке от Средней Вислы к северу значительных сил противника. У нас сложилось впечатление, что против 9-й немецкой армии готовится крупная войсковая операция. Это еще больше убедило меня в целесообразности реализации моих замыслов: нам следовало, пока австрийцы продолжают бои с русскими на реке Сан, создать мощный оборонительный вал вдоль Вислы, растянув его к северу до Варшавы.

Решить эту задачу в одиночку 9-я армия не могла: не хватало сил. Необходимо было привлечь австро-венгерские войска, продвинув их как можно дальше на север, это было вполне осуществимо без ущерба для Перемышльской операции. В итоге соединения левого крыла 9-й армии под командованием генерала фон Макензена получили приказ идти на Варшаву. Остальные войска армии имели задачу зорко наблюдать за действиями русских на Висле от крепости Ивангород до Сандомира; 11-й армейский корпус включался в состав австро-венгерской армии, чтобы повысить ее боеспособность и помочь удержать позиции вдоль Вислы вплоть до Аннополя.

9 октября ударная группа генерала фон Макензена натолкнулась у Гройцев на сибирские корпуса и отбросила их обратно к Варшаве. У оставшегося на поле боя убитого или раненого русского офицера был обнаружен документ, позволивший нам составить четкую картину основных намерений противника. План великого князя⁴ был задуман с размахом

⁴ Имеется в виду Николай Николаевич Романов (младший) (1856–1929), русский великий князь, в Первую мировую войну Верховный главнокомандующий (1914–1915).

и представлял для нас серьезную опасность. Более тридцати армейских корпусов русских приготовились форсировать Вислу на всем протяжении от Варшавы до устья Сана, другие крупные соединения противника должны были переправиться через Сан. У Варшавы 5 дивизиям группы Макензена противостояли 14 дивизий неприятеля. Великий князь планировал глубокий охват 9-й армии с севера, совмещая его с фронтальным ударом и продолжая удерживать позиции восточнее Перемышля. Если бы тот план удался, победа России, на которую рассчитывали страны Антанты, была бы обеспечена.

В подобной ситуации не оставалось ничего другого, как признать необходимым немедленный отход наших и австрийских войск. Тщательно исследовались все транспортные пути, ведущие на запад. Для подрыва железнодорожного полотна заготовили нужное количество взрывчатых веществ.

Когда генерал фон Макензен вел южнее Варшавы ожесточенные встречные бои, русские пытались форсировать Вислу выше по течению. После переброски 20-го армейского корпуса на север осаду Ивангорода продолжил Гвардейский резервный корпус, одновременно стараясь вытеснить противника с Козеницкого плацдарма на левом берегу Вислы. Эти бои я никогда не забуду: четыре бригады сражались не на жизнь, а на смерть, на узком пространстве в излучине реки, которое под проливным дождем превратилось в сплошное месиво. Я серьезно опасался флангового удара русских из Ивангорода и всю ночь в тревоге не сомкнул глаз. На следующее утро обстановка несколько разрядилась, но столкновения на Козеницком плацдарме не прекращались. Участники этих кровавых событий с ужасом вспоминают о прошлом.

Мы смогли занять позиции на Висле, но Варшава и Ивангород продолжали оставаться в руках врага, и к северу от Ивангорода у Козениц ему удалось навести хоть и плохонькую, но все же бесперебойно действующую переправу.

Австро-венгерские войска, действовавшие южнее Вислы, не сумели преодолеть реку Сан и захватить территорию к востоку от Перемышля. Однако генерал фон Конрад все еще не терял надежды добиться успеха. Но чем дольше сражение южнее Сана затягивалось, тем настоятельнее вырисовывалась необходимость скорейшего усиления левого фланга 9-й армии, где напряжение неуклонно возрастало. При наличии подкреплений положение могло бы выравниваться.

Армейское командование подумывало о том, чтобы использовать подходившие с юга австро-венгерские воинские части под Варшавой. Против этого высказался генерал фон Конрад, считавший, что они должны сменить немецкие соединения, осаждавшие Ивангород. Но осуществить это ранее 20 октября не представлялось возможным.

Тем временем ситуация под Варшавой требовала безотлагательного решения. Угроза полного окружения противником становилась все реальнее. Нервное напряжение росло. Не было сомнений: приближался день, когда придется отводить сводную группу генерала фон Макензена от Варшавы. Однако это не должно было произойти слишком рано. И решение далось нам очень нелегко. Как все это воспримут в Германии! 17 октября я понял, что наступило время отдать приказ об отходе, и попросил генерал-полковника фон Гинденбурга отвести группу генерала фон Макензена от Варшавы в юго-западном направлении к линии Рава – Скерневице – Лович.

В ночь с 18 на 19 октября генерал фон Макензен начал отход, соблюдая полный порядок. Противник – хотя и не сразу – стал преследовать по пятам. 25 и 26 октября новые позиции группы фон Макензена и пришедшего ей на подмогу корпуса ландвера, расположенные по обе стороны Равы, подверглись настойчивым атакам. А в это время австрийцы потерпели у Ивангорода сокрушительное поражение и отступили к Радому. Дело в том, что австро-венгерские войска неосмотрительно позволили противнику беспрепятственно переправиться через Вислу, и это предопределило их разгром.

Двигаясь от Ново-Александрии и Ивангорода, русские с ходу форсировали Вислу у впадения в нее р. Пилицы. С этого момента ситуация в корне изменилась. Неприятель получил возможность атаковать по всему Висленскому фронту, и мы сильно сомневались, что австро-венгры смогут выдержать натиск. Да и на реке Сан их положение с каждым днем заметно ухудшалось. Всякие надежды на победу окончательно исчезли. Если бы 9-я армия в сложившейся обстановке продолжала оставаться на своих позициях, ее рано или поздно все равно бы окружили и уничтожили. Судьба австро-венгерской армии была таким образом предрешена. Чтобы сохранить себя как боевую единицу, 9-я армия должна была отойти назад, что неизбежно усугубило и без того незавидную участь австро-венгерских войск. Под мощным давлением русских они откатывались назад.

27 октября был отдан приказ об отступлении, вероятность которого, так сказать, уже висела в воздухе. Положение было просто критическое. Теперь, казалось, должно было произойти то, чему помешало наше наступление в Верхней Силезии в конце сентября и последующее наступление, – вторжение превосходящих сил противника в Польшу, Силезию и Моравию.

Соответствующие распоряжения на случай отступления были германским войскам спущены заблаговременно. В частности, им настойчиво рекомендовалось отправить заранее в тыл все громоздкое имущество, без которого можно было обойтись. Как правило, они так и поступили, и тем не менее наши тяжело нагруженные автомобили доставили мне на скверных дорогах немало хлопот. Маршировать следовало строго на запад, чтобы избежать окружения.

В основном наш «стратегический отход» – как его называли солдаты – протекал планомерно и в полном порядке. Мы старались, насколько возможно, щадить сельскохозяйственные угодья. С этой точки зрения наше отступление может служить образцом бережного и гуманного ведения войны.

Основная масса 9-й армии двигалась на Ченстохову, а австро-венгерские части – на Краков и в Западную Галицию. Русские не отставали ни на шаг. Мы постоянно искали любую возможность для контрудара, однако соседняя австро-венгерская армия была слишком ненадежным партнером для подобной операции, а потому рассчитывать на успех не приходилось.

Нужно было принимать неординарные решения. А единственно приемлемым представлялось мне следующее: отправить большую часть соединений 9-й армии по железной дороге в район Хоенфальца – Торна и оттуда нанести удар в направлении Лодзь – Лович во фланг наступающих армий.

Но поначалу требовалось на какое-то время задержать противника и не дать ему воспользоваться хорошо развитой сетью транспортных коммуникаций. Для разрушения железных, грунтовых и мощеных дорог было уже все подготовлено. Опыт показывал, что при современных условиях ведения боевых действий войска не могут удаляться от своих конечных железнодорожных станций более чем на 120 километров. Следовательно, если нам удастся привести железную дорогу в негодность до такой степени, какая необходима, то можно было рассчитывать, что русские останутся сами по себе, без всякого вооруженного воздействия с нашей стороны, еще за пределами государственной границы Германии. Тем не менее было не просто заставить германские войска приступить к уничтожению железнодорожных сооружений: командиры на местах хотели бы еще немного подождать с этой крайней мерой. Но медлить было нельзя, и я отдал приказ, строго контролируя претворение его в жизнь. Был выполнен огромный объем работ. С удовлетворением наблюдал я, как замедлялось продвижение русских и в конце концов окончательно затормозилось, хотя, отступая, мы оставили большие запасы продовольствия и разного имущества. Уничтожать их я запретил.

В конце октября меня вызвал в Берлин военный министр генерал фон Фалькенхайн. Ничего определенного о наших дальнейших действиях я сообщить не мог: какого-либо кон-

кретного плана у нас тогда еще не было. В Берлине мне показалось, что я попал в какой-то другой мир. Слишком велик был контраст между страшным напряжением, которое я испытывал с первых дней войны, и кипучей жизнью столицы Германии, где повсюду преобладало стремление к развлечениям и наслаждениям. Наше тяжелое положение на фронте никого не трогало. И я почувствовал огромное облегчение, когда вернулся в Ченстохову и вновь оказался в кругу верных друзей и коллег.

4 ноября я пришел к твердому убеждению, что пора что-нибудь предпринять. Генерал-полковник фон Гинденбург окончательно одобрил обсуждавшийся ранее план наступления из района Торна, и соответствующие директивы были переданы в войска.

Между тем с каждым днем заметно ухудшалась обстановка у Млавы и на восточной границе Восточной Пруссии. После битвы у Мазурских озер 8-я армия продвинулась до линии Гродно – Ровно. Но 29 сентября Ренненкампф, получив изрядное подкрепление, опять оттеснил ее у Лыка за государственную границу. Посланный на подмогу вновь сформированный 25-й резервный корпус мужественно сражался, но переломить ситуацию не смог. Костяк корпуса составляли люди, которые, обладая превосходными человеческими качествами, еще не успели стать настоящими солдатами. Храбрость и самоотверженность не могли заменить отсутствие нужных навыков.

Теперь можно было ожидать, что русское командование не только постарается разбить германские и австрийские войска, наступая от излучины Вислы, но и попытается вторгнуться на территорию самой Германии, расположенную к востоку от этой реки. На всем протяжении восточной границы прусского королевства развернулись ожесточенные бои, тесно связанные между собой. Эти условия требовали крепкого и единого руководства войсками. 1 ноября 1914 г. его величество кайзер своим указом назначил генерал-полковника фон Гинденбурга главнокомандующим всеми германскими вооруженными силами на востоке, одновременно освободив его от должности командующего 9-й армией. По нашему предложению этот пост занял генерал фон Макензен. Я перешел начальником штаба к Гинденбургу, как и большинство моих прежних штабных работников.

В нашем подчинении находились 8-я и 9-я армии, а также военные округа в Восточной и Западной Пруссии, Померании, в Познани и в Силезии. Штаб-квартира главнокомандующего разместилась в королевском замке в Познани, где и находилась до февраля 1915 г. То было время лихорадочной и изнуряющей деятельности. Здесь же сложился определенный рабочий режим, которого я придерживался до последних дней своей военной службы.

Все мы, работавшие в ставке, прекрасно понимали, какой груз ответственности лежит на нас. В Познани мы отчетливее, чем в Польше, ощущали биение пульса родины, острее чувствовали тревогу ее населения перед вражеским вторжением и его ужасными последствиями. И наши приготовления к предстоящим сражениям, исход которых предсказать было трудно, лишь усиливали беспокойство. У русских было многократное численное превосходство, наши боевые подразделения им явно уступали, боеготовность наших союзников была весьма невысокой.

Мы предусмотрительно эвакуировали из приграничных районов всех молодых людей, годных к военной службе, создали надежные узлы стратегической обороны, подготовили условия для разрушения железных дорог и угольных шахт на германских пограничных землях (польские шахты были приведены в негодность еще раньше). Польское население этих территорий вело себя сдержанно и занимало выжидательную позицию, да иначе и быть не могло.

При нашей сравнительной слабости было необходимо в полной мере использовать для защиты ряд существующих восточно-пруссских крепостей, а также собрать в военных округах все доступные боеспособные части и исправное военное снаряжение. Нечто подобное мы уже делали в августе 1914 г. и с тех пор сформировали из ополченцев 1-го и 2-го раз-

ряда (ландвер, ландштурм) немало дивизий, которые прекрасно проявили себя, защищая свое отечество, свои семьи и имущество.

Чем больше я размышлял над стоящими перед нами новыми задачами, чем отчетливее вырисовывалась для меня опасность нашего положения, тем крепче становилось мое решение превратить, по возможности, ранее запланированную операцию в решающее сражение; только это могло нас спасти. Несмотря на ограниченные средства, нужно было попытаться концентрированным ударом не только остановить русские войска в излучине Вислы, заставить отказаться от дальнейшего наступления, но и нанести им сокрушительное поражение, отбросив от Варшавы. Если бы на это сил не хватило, то достаточно было бы и просто остановить врага. Уже это одно явилось бы громадным достижением. План новой операции тоже созрел не сразу, детали его выкристаллизовывались постепенно.

Все наличные силы мы сосредоточили на участке Вржешень – Торн. Генерал фон Конрад пошел нашим пожеланиям навстречу и выдвинул австро-венгерские части в район севернее Ченстоховы. Далее к северу у Калиша наши позиции имели слабое прикрытие. С Западного фронта мы не получили ничего.

Военные действия в ноябре развивались по предусмотренному плану; русские войска продолжали выполнять поставленную перед ними великим князем задачу. 8-я германская армия подвергалась непрерывным атакам. В середине ноября ее отвели на новые позиции у Мазурских озер и Ангераппа, и часть Восточной Пруссии вновь оказалась во власти русских. Противник следовал по пятам и продолжал атаковать.

Корпус Цастрова, созданный из гарнизонных частей висленских крепостей и занимавший позиции на участке Млава – Прасеныч под давлением противника отошел к линии Зольдау – Найденбург, где враг в результате ожесточенных боев был остановлен. На всей территории к востоку от Вислы создалось опасное положение. Над Западной Пруссией нависла реальная угроза.

Тем временем завершилось планомерное развертывание 9-й армии на участке Вржешень – Торн. Железнодорожники блестяще справились со всеми перевозками. Уже 10 ноября армия заняла исходные рубежи.

В излучине Вислы русские стояли у Влоцлавска, а в остальной местности вплоть до реки Варты ситуация была не совсем ясной. Здесь располагалась 1-я армия противника, часть которой пока оставалась на правом берегу Вислы. Из 10–14 ее дивизий в промежутке между Вислой и Вартой должны были находиться не менее 8–10 дивизий. Севернее Варты к границам Германии приближалось крупное кавалерийское соединение. Основная его масса переправилась через эту реку севернее линии Серадзь – Новорадомс – Краков. В Галиции наши войска в районе реки Дунаец проникли в глубь Карпат. Продвижение противника приостановилось: как и предполагалось, дали себя знать заблаговременные разрушения сети железных дорог. Однако, судя по всему, русские вовсе не отказались от своих наступательных планов.

11 ноября с одобрения главного командования генерал фон Макензен приступил к осуществлению нашего оперативного замысла. Уже в первые дни наступления произошли ожесточенные схватки у Влоцлавска, Кутно и Домбе с большими людскими потерями с обеих сторон. Русские повсюду отступили. В то время как главные силы 9-й армии безостановочно продвигались на Лодзь – Колюшки, ее фланг со стороны Ловича прикрывал 1-й резервный корпус генерала фон Моргена, он попал в трудное положение. Пришлось защищаться от переправившихся у Новогеоргиевска на левый берег Вислы русских корпусов.

Наступавшие в центре части 9-й армии, кавалерийский корпус фон Рихтхофена, 3-я гвардейская дивизия и 25-й резервный корпус в конце концов сломили сопротивление противника, пересекли линию Лович – Лодзь и через Брезины устремились далее на юг. Приказ штаба 9-й армии о закреплении на позициях у Скерневице до них не дошел.

Наступавшие на правом фланге корпуса, сгрудившись на узком пространстве севернее Лодзи, натолкнулись на упорное сопротивление. Согласно перехваченной радиограмме, русские намеревались оставить Лодзь. Радость наша не знала пределов. Однако, как стало известно из другой перехваченной радиограммы, железная воля великого князя удержала русские корпуса на прежних позициях, и радость сменилась горьким разочарованием.

Русские войска, дислоцированные на правом берегу Вислы, получили приказ, оставив заслон у Млавы, форсировать реку. Части противника, отходившие от Скерневице на Варшаву, сосредоточившись непосредственно перед крепостью, вновь перешли в наступление и, не встречая серьезного сопротивления, проследовали через Скерневице на Брезины.

Правый фланг русских сконцентрировался вокруг Лодзи и перерезал тыловые коммуникации выдвинувшегося далеко вперед германского 25-го резервного корпуса. Подробности боев с участием 3-й гвардейской пехотной дивизии, 25-го резервного корпуса и кавалерийского корпуса фон Рихтхофена достаточно хорошо известны. Из регулярно перехватываемых радиопереговоров противника мы узнавали, насколько оптимистично он оценивает сложившуюся обстановку, где и когда собирается наступать, как радуется в предвкушении пленения целых германских корпусов, заранее готовя железнодорожные вагоны для транспортировки военнопленных. Что я при этом чувствовал, описать невозможно. Ведь речь шла не только о потере множества отважных солдат, но и о решающем поражении! После такого фиаско 9-ю армию непременно должны бы были отвести в тыл. Чем бы тогда закончился для Германии 1914 год?

Но все получилось по-другому. Битва при Брезинах обернулась блестящей победой. В ночь на 24 ноября германские части, разомкнув кольцо в северном направлении, вышли из окружения вместе с 10 тысячами военнопленных и большим количеством трофейных пушек.

Образовался сильно укрепленный сплошной оборонительный вал, о который разбивались все атаки противника. Однако главная оперативная цель – уничтожение русских армий в излучине Вислы – не была достигнута. Нам для этого просто не хватило сил, но мощное наступление русских удалось все-таки остановить.

В конце ноября противник вел бои в полосе действия 9-й армии и далее на юге, но повсюду без заметного успеха. В начале декабря, укрепив свой левый фланг переброшенным с запада корпусом, 9-я армия уже смогла сама медленно продвигаться к реке Бзура. Однако это было обыкновенное фронтальное наступление, о широких охватах и окружениях пока не приходилось думать. Одновременно мы смогли задействовать расположенную южнее армейскую группу Войрша, которая нанесла удар в общем направлении на Лодзь. Если бы мы только осуществили это двумя неделями раньше! 6 декабря русские оставили Лодзь и отошли за Миазыгу. Успех сопутствовал нам и на южных участках фронта, где противник во второй половине ноября существенно ослабил свои позиции, перебросив часть войск на защиту Лодзи. 15 декабря мы своим северным крылом заняли Лович.

В конце ноября резко обострилась обстановка южнее Кракова. Австро-венгерское главное командование срочно попросило передать им в качестве подкрепления одну немецкую дивизию. С тяжелым сердцем, но мы пошли навстречу. И дивизия прибыла как раз вовремя, чтобы успеть принять участие в развернувшемся сражении. Генерал фон Конрад намеревался, двигаясь из района Карпат, окружить войска южного крыла русских. В решающей битве с 3 по 14 декабря у Лимановы – Лапанова ему удалось западнее реки Дунаец разбить русских. Это было очень неплохое достижение австро-венгерских вооруженных сил после серии неудач, обрушившихся на них после начала наступления.

Под влиянием наших успехов в Польше и Галиции противник отступил на новые рубежи у рек Бзура, Равка, Нида, Дунаец и в верховьях Пилицы.

Австро-венгерские соединения, окружавшие части генерала Бороевича, вскоре столкнулись с превосходящими силами противника и были отброшены в Карпаты на исходные позиции. На польской территории, в излучине Вислы, шли бои местного значения, которые не приносили никакой пользы ни одной из сторон. Мы еще не умели и не привыкли вести чисто позиционную войну и постоянно искали, где бы «схватиться» с врагом. В подобных случаях часто выигрыш не перевешивал потерь. Командование обязано всегда это учитывать.

На северном берегу Вислы русские заняли Плоцк и продвинулись до Влоцлавска. В итоге левый фланг 9-й армии растянулся от устья Бзуры до Влоцлавска и требовал постоянного внимания. Но Висла не замерзла, и поэтому опасность 9-й армии здесь не грозила. На южной границе нашего государства, севернее Вислы, ситуация не менялась. 8-я армия в ходе непрерывных стычек в общем и целом удерживала свои рубежи. На всех участках по обеим сторонам фронта войска усердно укрепляли собственные позиции.

При проведении операций нам доставляла много хлопот железная дорога, которую мы перед этим основательно разрушили. Теперь мы работали изо всех сил над ее восстановлением, и все же прошло немало времени, прежде чем наладилось регулярное железнодорожное сообщение. Это отрицательно сказывалось на снабжении армии всем необходимым. Мы особенно сожалели о том, что не смогли своевременно доставить солдатам рождественские посылки. Для железной дороги это оказалось непосильной задачей. По этой же причине мы не могли организовать и отпуска солдатам на родину в нужном количестве.

Наше чувство глубокого удовлетворения складывавшейся на Восточном фронте обстановкой было омрачено известием о поражении в Сербии австро-венгерской армии, вторгшейся в страну в конце ноября и занявшей 2 декабря Белград. В Австро-Венгрии поначалу ликовали. Но уже в те дни, когда германские корпуса взяли Лодзь и вели ожесточенные бои у Лимановы, войска двуединой монархии, потерпев поражение, покинули Сербию. Они уже больше не представляли собой боеспособную вооруженную силу. Недооценив противника вначале, австрийское командование впало затем в другую крайность и, переоценив его мощь, испугалось.

Тем временем штабная работа в познанском замке шла своим чередом в атмосфере полной гармонии; нас сплотили общие заботы и разделенная всеми слава. У нас сложился обычай: после ужина вновь собираться вместе вокруг круглого стола с пальмой-пальмирой в центре, подарком ее величества императрицы, истинно немецкой женщины, о которой я всегда думаю с величайшим уважением. Для меня этот час был коротким отдыхом, перерывом в повседневном напряженнейшем труде, характерном для первых четырех месяцев войны.

Гигантское сражение подошло к концу, но назревали новые важные события! Германия и Австро-Венгрия были спасены от угрозы русского нашествия. Все планы великого князя потерпели неудачу. Закончились провалом наступления на Восточную Пруссию и на территории западнее Вислы, а с этим лопнули надежды Антанты на благополучное завершение войны еще в 1914 г.

И вторая военная кампания в Польше была по своему размаху событием, каких немного знает история. Наши войска, с начала августа непрерывно сражавшиеся или маневрировавшие, показали себя выше всяких похвал. И на этот раз они победили вдвое более сильного противника. Только с такими brave офицерами и солдатами стало возможным с меньшими силами осуществить наши самые смелые замыслы.

Вечная честь и слава германским войскам 1914 года!

Мазурское сражение, февраль – март 1915 г

Военная кампания 1914 г. не принесла победы ни одной из сторон. Как добиться ее в 1915 г., я тогда не представлял. К Новому году были созданы четыре новых корпуса, которым в феврале 1915 г. надлежало обрести полную боевую готовность. Мы учли опыт использования вновь составленных воинских формирований, полученный осенью 1914 г. В каждую роту вновь образованных корпусов мы включили определенное число побывавших в бою офицеров, унтер-офицеров и солдат. И высшие командные должности были заполнены опытными военачальниками. Мне хотелось, разумеется, заполучить эти новые корпуса для Восточного фронта, чтобы, насколько хватит наших сил, продолжать оказывать давление на русских, не давая им передышки. Мы планировали нанести еще один удар в Восточной Пруссии.

В конце 1914 г. австрийское главное командование стало серьезно опасаться вторжения в Венгрию крупных сил русских, продолжавших продвигаться вперед и уже достигших карпатского горного хребта. Генерал фон Конрад, со своей стороны, готовился нанести контрудар. Учитывая общее состояние австрийской армии, мы были вынуждены оказать ей в районе Карпат посильную помощь, тем более что нанести ощутимый урон противнику на каком-либо другом участке Восточного фронта пока не было реальной возможности. Операция в Восточной Пруссии находилась под большим вопросом. Еще не было известно, передадут ли нам те четыре корпуса. В Венгрию поэтому приходилось посылать германские воинские части из контингента, которой был в распоряжении командования на Востоке. В Польше 9-я армия занимала довольно узкое пространство, позиции планомерно обустривались и укреплялись. Несколько дивизий можно было использовать для выполнения какого-либо другого задания. В итоге из германских и австрийских частей сформировали немецкую Южную армию под командованием генерала фон Линзингена, которой предстояло прикрывать правый фланг задуманного генералом фон Конрадом широкого наступления из района Карпат на Перемышль.

Во время обсуждения деталей операции меня буквально огорошило телеграфное сообщение ОКХ о моем назначении начальником штаба Южной армии. Расстаться со мной генерал фон Гинденбург не пожелал. В послании его величеству кайзеру он просил оставить меня в моей прежней должности рядом с ним. А я распрощался со своим штабом и отправился исполнять новые обязанности, хотя не сомневался, что скоро вернусь на привычное место.

Штаб-квартира Южной армии разместилась в Мукачеве. Вместе с генералом фон Линзингеном мы объехали район развертывания армии, установили контакт с местным гарнизонным начальством и командованием австрийских войск, которые должны были влиться в Южную армию.

Население Венгрии, как впоследствии и в Трансильвании, встречало нас очень тепло. Однако это чувство благодарности исчезло, как только мы выполнили предназначенную нам миссию.

Австрийские воинские части, переходившие под нашу юрисдикцию, устроены были неважно: позиции не оборудованы, личный состав не расквартирован; многое предстояло навести.

Проходя однажды в горах лесной дорогой, я натолкнулся на часового, отпартованного на неизвестном мне языке. Сопровождавшие меня австрийские офицеры тоже ничего не понимали. Этот эпизод наглядно продемонстрировал кое-какие трудности, с которыми придется иметь дело Южной армии. Они усугублялись еще и тем, что в полках все националь-

ности были перемешаны с целью повышения боевой надежности этих воинских подразделений.

И здесь, как и во время моей поездки в Нойсандес, я увидел абсолютную отсталость народностей, не принадлежащих к правящим национальностям. Побывал я и в гуцульских деревнях. Жалкие жилища этого несчастного племени я никогда не забуду. Насколько разительно отличались условия жизни населения в Германии, каких высот достигли культура и прогресс в нашей стране в сравнении с Австро-Венгрией! Увидев гуцульские хижины, я понял: этот народ не в состоянии уразуметь, ради чего он воюет. Австрийские монархи многое упустили. Теперь мы должны были за это отдуваться. Если бы эта двуединая монархия и ее объединенная армия хотя бы наполовину совершили то, что Германия была вправе от них ожидать, германским войскам не пришлось бы так много им помогать ради удержания фронта, и у нас оставалось бы больше сил для Запада. Для Германии, во всяком случае, обернулся серьезной бедой союз с такими отмирающими империями, как Австро-Венгрия и Турция. Как сказал один еврей в Радоме сопровождавшему меня офицеру, ему невозможно понять, почему такой крепкий и здоровый организм, как Германия, связал себя с разлагающимися трупами. И он изрек истину; немцы не приобрели жизнестойких боевых союзников. Не смогли мы и вдохнуть в них новые жизненные силы. Реальное представление о действительном положении вещей в Австро-Венгрии я получил лишь в ходе войны, ранее у меня для этого не было ни времени, ни подходящего случая. Столь низкий культурный уровень просто поразил меня. Наши ответственные государственные деятели, вероятно, понимали, что двуединая монархия неизлечимо больна, только правильных выводов они не сделали. Нам следовало сохранять ей верность и вести за собой вместо того, чтобы соглашаться с ее высокомерной, но односторонней политикой.

Мое пребывание в Мукачеве было недолгим. В конце января я уже снова находился в Познани в моей прежней должности. Между тем главнокомандующий германскими войсками на Востоке получил приказ ОКХ о передаче в первой половине февраля в его распоряжение трех новых корпусов и 21-го армейского корпуса.

С главным командованием сухопутных войск условились: все четыре корпуса сразу же после разгрузки использовать для удара по вражеским войскам, противостоявшим 8-й германской армии. Как убедительно показал опыт боев у Танненберга и у Мазурских озер, добиться быстрой и решающей победы можно, лишь действуя сразу с двух сторон. В тот момент существовали две благоприятные возможности: нанести группой из трех армейских корпусов охватывающий удар в направлении Тильзит – Калвария и развить наступление между озером Шпирдинг и государственной границей через Бялы и Райгород на Августов. Одновременно фронтальной атакой противник лишался маневренности. Его фланги были защищены довольно слабо. Мы надеялись продвинуться далеко вперед, прежде чем русские перебросят подкрепления. Чем быстрее обе ударные группы проникли бы в тыл противника, тем лучше.

Этот план должен был полностью смешать все карты Антанты, намечавшей уже в 1915 г. с помощью России победоносно завершить войну. Великий князь рассчитывал начать широкое наступление в Карпатах и в то же время атаковать превосходящими силами на участке между Неманом и шоссе Гумбиннен – Инстербург северное крыло 8-й армии и, обойдя его, прижать всю армию к Висле. Согласно его замыслу, крупные кавалерийские соединения русских, разгромив наши части между Млавой и Вислой, должны были вторгнуться в Западную Пруссию. Предполагался захват всей территории восточнее Вислы и уничтожение действовавших там германских войск. В январе противник начал накапливать силы против левого крыла 8-й армии. «Великолепный замысел» великого князя находился пока еще в стадии подготовки. Упредив русских, нам следовало быть готовыми к серьезным

ударам через реки Неман и Нарев. Так оно и вышло. Их мощь и упорство доставили нам массу неприятностей. Великий князь был настоящим солдатом и отличным полководцем.

В излучине Вислы на польской земле тем временем продолжались бои местного значения. Едва ли они притупили бдительность русских. Вообще надеяться на подобные отвлекающие маневры особенно не стоит, тем более если вражеские войска обладают крепкими нервами и прочно удерживают свои позиции. Другое дело, если подобные вооруженные демонстрации помогают добиваться крупных местных успехов.

Чтобы создать у русских впечатление продолжающейся наступательной операции, 9-й армии было предписано в конце января нанести мощный отвлекающий удар в районе Болимова. ОКХ выделило нам для этого 18 тысяч снарядов с газовой начинкой. Характерно, что в те дни количеству боеприпасов придавали большое значение. На Востоке мы вечно испытывали их нехватку, у нас всегда было ровно столько огневого запаса, сколько можно было доставить по плохим дорогам в войска, находившиеся в постоянном движении. Но и в начале затяжной позиционной войны мы еще не привыкли создавать обширные запасы снарядов и патронов. На Западном фронте дело обстояло не лучше. Все воевавшие державы еще не оценили в должной мере воздействие на войска массированного артиллерийского огня, требовавшего расхода большого количества боеприпасов.

Атака 9-й армии на Болимов началась 31 января; для газа было еще слишком холодно, но мы тогда еще не имели достаточно опыта в этом вопросе. В остальном события тоже развивались не так, как хотелось бы. Правда, мы захватили несколько тысяч пленных, однако тактический успех оказался весьма скромным. И тем не менее на русских наши активные действия произвели нужное впечатление и, следовательно, стратегическая цель была достигнута.

К 7 февраля закончилось развертывание четырех корпусов (сведенных в 10-ю армию), которое прошло без инцидентов. К этому моменту заняли исходные позиции: 8-я армия под командованием генерала Отто фон Белова – по обе стороны Мазурских озер, 10-я армия под командованием генерала фон Эйхгорна – к северу от Даркемена. Наша штаб-квартира передислоцировалась в Инстербург. Познать, надо сказать, мы покидали с определенной грустью, пережив там много интересного, но и с Инстербургом нас связывали неплохие воспоминания о сентябрьских днях 1914 года.

Зимняя кампания началась 7 февраля наступлением правого крыла 8-й армии во главе с генералом Литцманом. Остальные части этой армии и 10-я армия наносили удар лишь на следующий день. В приказе указывались только главные черты предстоящей операции. Армейскому руководству предоставлялось широкое поле для самостоятельной деятельности. Единые взгляды, касающиеся вопросов тактики, на всех уровнях управления войсками обеспечивали успешное осуществление стратегических замыслов командования. И в ходе сражения главнокомандующему на Востоке редко приходилось лично вмешиваться в действия командиров на местах. Мы думали в основном о дальнейшем развитии операции и о надежной защите флангов.

Решение о переходе в наступление в соответствии с планом далось нам нелегко: эта зима выдалась необычайно холодной. С 4 или 5 февраля свирепствовал снежный буран, грунтовые дороги и железнодорожные пути утопали в глубоких заносах, а продвижение по бездорожью стоило великих трудов. Сугробы в человеческий рост чередовались с отшлифованными ветрами участками гололеда. И тем не менее менять первоначальные распоряжения мы не стали. Русских ожидали еще более суровые испытания.

Наши войска хорошо подготовились к зимней кампании и даже оснастили повозки полозьями. Правда, это приспособление оказалось бесполезным на дорогах, лишь местами покрытых снегом. Невозможно описать то, что вынесли люди и лошади в последующие дни. Передовые отряды с усилием пробивались сквозь снежные заносы, автомобили вязли

в сугробах, обозы застревали и все больше растягивались. Пехота протискивалась мимо транспорта и артиллерийских орудий и спешила вперед. В повозки с боеприпасами впрягали по 10–12 лошадей. Постепенно отставали и пушки и обозы, и на дорогах можно было видеть только бредущих пеших солдат. На привалах и во время боя колонны вновь собирались вместе. Через несколько дней погода резко переменилась, дороги развезло, в низинах и заболоченных местах стояла вода. Хорошо, что нам удалось захватить вражеские обозы с продуктами питания, а то хоть прекращай наступление из-за отсутствия продовольствия.

Штабным работникам и офицерам подразделений приходилось туго. При столкновениях с противником не всегда вовремя поспевали подойти основные силы, приказы и распоряжения не доходили до частей, телефонную связь постоянно нарушала непогода, сообщения с передовой поступали нерегулярно. И все же, несмотря на все трудности, наши войска продемонстрировали высочайшее воинское мастерство.

Группа генерала Литцмана сначала продвигалась успешно, взяла 8 февраля Йоганисбург и вскоре вышла к Райгороду, где встретила упорное сопротивление и была атакована со стороны Осовца. Тем временем главные силы 8-й армии, преследуя отступавшего по всему фронту противника, приблизились к Лыку. И офицеры и солдаты неудержимо стремились вперед. И все же со стратегической точки зрения события развивались медленнее, чем хотелось. Лык пал только 14 февраля после отчаянного штурма. В ночь на 17 февраля 8-я армия достигла Августова.

Тем временем стал сказываться и глубокий обходной маневр 10-й армии генерала фон Эйхгорна. Совершив с огромным напряжением всех сил выдающийся бросок, ее части, располагавшиеся в центре полосы наступления, уже в ночь с 10 на 11 февраля достигли у Вирбаллена шоссе Инстербург – Ковно, а когда Лык 14 февраля пал, германские войска уже вышли севернее августовских лесов к Сувалкам.

Отходившие русские армии ударом во фланг были отеснены к югу. Судя по всему, наша операция явилась для противника и на этот раз большой неожиданностью. Германские спецслужбы прекрасно поработали, распространяя дезинформацию и пресекая вражескую шпионскую деятельность. Русским не удалось получить сведений о наших приготовлениях. Конечно, своевременно узнать о подлинных намерениях неприятеля довольно трудно, иначе вести войну с малыми силами было бы не так уж сложно.

Русские соединения, отошедшие к Ковно, пытались ударом с фланга задержать продвижение германских войск, но атакованные частями 10-й армии были отброшены назад к линии Ковно – Олита.

Вечером 14 февраля казалось уже возможным замкнуть кольцо вокруг войск противника восточнее Августова. Генерал фон Эйхгорн нацелил туда свои фланговые дивизии. С 15 на 16 февраля авангард правого фланга вышел к шоссе Сейны – Августов, но оказался в гуще отступающих колонн русских и был пленен. Остальные подразделения 10-й армии, продолжая смело двигаться по северной кромке августовского леса, к 18 февраля достигли местности северо-западнее Гродно. Здесь они повернулись фронтом на запад, имея непосредственно за спиной крепостные укрепления. Этим отважным маневром они преградили противнику пути отхода. Другие германские части вышли к лесу с севера и запада, а после взятия Августова пробились с боем к шоссе Гродно – Липск и к реке Бобр. У Липска кольцо плотно замкнулось.

Положение германских войск, стоявших у Гродно, было чрезвычайно тяжелым. В течение 20 и 21 февраля их непрерывно атаковали засевшие в крепости русские, успевшие до того подвезти значительные подкрепления. А из августовских лесов в то же время не оставляли попыток вырваться из окружения отдельные группы противника. Несмотря на большие потери, германские части прочно удерживали свои позиции. Это был настоящий подвиг. Через несколько дней сдались все метавшиеся в лесу отчаянно сопротивлявшиеся русские.

Значение зимнего сражения в Мазурии невозможно переоценить. Итог говорит сам за себя: 110 тысяч военнопленных и многие сотни трофейных артиллерийских орудий разнообразных калибров. Была уничтожена 10-я армия противника, вооруженные силы России понесли чувствительные потери.

Согласно оперативному замыслу, германским войскам, воевавшим в районе Августова, надлежало форсировать реку Бобр, а 8-й армии следовало, двигаясь от Граева, захватить крепость Осовец и затем обеспечить на данном участке надежную защиту границы Восточной Пруссии. Однако преодолеть заболоченную пойму Верхнего Бобра не удалось, невзирая на настойчивые попытки германских войск. Нам нужен был крепкий мороз, а землю, наоборот, поливали обильные дожди. Долгое пребывание в лесисто-болотистой местности становилось невыносимым, а преодолеть эту водную преграду в отсутствие нормальных дорог и мостов не представлялось возможным. Ожесточенные бои и скверная погода изрядно вымотали наши войска. Волей-неволей пришлось приказать прекратить наступление.

Учитывая обстоятельства, необходимо признать, что, несмотря на крупный успех, главная стратегическая цель достигнута не была. Командованию предстояло принимать трудные решения.

10-я армия не могла оставаться на позициях, которые занимала к концу сражения у Мазурских озер. Для дальнейшего продвижения на восток, в направлении Олиты – Ковно, требовались значительные силы, а ими-то мы и не располагали. Плохая погода очень мешала поддерживать регулярную связь с тыловыми службами и снабжать войска всем необходимым. Не спасла положения и построенная русскими ширококолейная железная дорога на Сувалки. Мощные и грунтовые дороги были в отвратительном состоянии, лошади – крайне истощены; грузовики, которых и без того было мало, с трудом передвигались по шоссе с тонким каменным покрытием, пестревшим внушительными выбоинами. Армии срочно требовались подходящие условия для жизнеобеспечения и отдыха, и это диктовало настоятельную необходимость частичного отхода. После очистки августовского леса от пленных и раненых генерал фон Эйхгорн в начале марта отвел сначала правое, а затем и левое крыло на линию Августов – Сувалки – Калвария – Пильвичи. В середине марта русские еще раз попытались атаковать правый фланг 10-й армии, и на этом боевые действия на данном участке фронта временно прекратились.

Только на южных границах Западной и Восточной Пруссии противник настойчиво выискивал слабые места в обороне нашего растянутого фланга. Сначала шли бои к северу от Ломжи. Германские войска героически отбивали все атаки русских, но положение оставалось крайне напряженным вплоть до подхода подкреплений. Особенное упорство противник проявлял между речушками Писа и Орсиц, наступая от Новогрода и Остроленки. Схватка принимала все более ожесточенный характер. Приходилось перебрасывать на этот участок все новые части из тех соединений, которые уже вынесли на своих плечах зимнюю кампанию. Из-за условий плоской болотистой местности с редкими перелесками сражение постепенно превратилось в серии локальных стычек. Это предъявляло повышенные требования к умению и расторопности низшего командного звена, ведь сходились грудь с грудью. И если в отдельных местах противник и добивался кое-какого успеха, то в целом в ходе этих боев, продолжавшихся до апреля, мы все-таки отстояли свои позиции южнее государственной границы.

В конце февраля и в начале марта затяжные бои шли и западнее реки Орсиц. Здесь армейская группа генерала фон Гальвица наступала на Прасныш. Сильно укрепленный город был взят 24 февраля, однако уже 27 февраля был вновь оставлен в результате контратаки двух сибирских корпусов; затем русские перешли в общее наступление между Млавой и Орсицом. Получив подкрепление, мы нанесли мощный встречный удар по ослабленному большими потерями противнику и вынудили его севернее Прасныша остановиться.

Помимо крупных сражений имели место столкновения и в районе севернее реки Прегель. Отряды русских регулярных войск и пограничников в марте захватили Мемель, который защищало местное ополчение, и проследовали далее на Тильзит. При поддержке запасного батальона, переброшенного из Штеттина, Мемель был 21 марта вновь освобожден, а вместе с ним и 3 тысячи гражданских лиц, интернированных противником. Восточная Пруссия окончательно избавилась от чужеземного присутствия. И вот в начале апреля повсюду вдоль границ Западной и Восточной Пруссии наступило наконец долгожданное затишье.

Задуманное великим князем в разгар зимы широкое контрнаступление через Нарев против нашего слабо защищенного фланга потерпело фиаско. Не только целые воинские части – как уже обстрелянные, так и вновь сформированные, – но и каждый немецкий солдат проявили настоящее мужество и героизм, под стать подвигам наших доблестных предков. Руководство войсками прекрасно справлялось со своими обязанностями, демонстрируя подлинные образцы военного искусства. Конечно, не сбылись мои надежды на использование в стратегических целях результатов прошедшей военной кампании, но то, что она увенчалась успехом, радовало меня, как и неудача, постигшая великого князя, позволившая нам сохранить свои позиции на вражеской территории. В итоге мы еще на один шаг приблизили победу над Россией, а именно к этому стремился я всеми своими помыслами и чувствами.

Ежедневно приходилось решать бесчисленное количество самых разнообразных вопросов тактического характера, что требовало постоянного умственного напряжения. Нельзя передать на словах обуревавшие нас чувства: надежды и разочарования, мучительные переживания и колебания перед принятием ответственных решений, недовольство тем или иным. Невозможно описать трудный процесс преодоления разногласий, мои чувства по отношению к солдатам, которые стойко сражались в зимнее время в невыносимых подчас погодных условиях.

С середины февраля штаб-квартира командования на Востоке располагалась в Лётцене с довольно тесными жилыми и рабочими помещениями, в которых мне, однако, было уютно. И я охотно вспоминаю о времени, проведенном в этом приветливом восточно-прусском городке.

Еще в ходе зимних сражений мы вплотную занимались созданием в нашем глубоком тылу мощных оборонительных рубежей. Вдоль всей восточной границы Восточной Пруссии протянулось заграждение из колючей проволоки – передовая составная часть общих защитных укреплений. Над их сооружением трудились многочисленные вспомогательные батальоны, сформированные по моей просьбе из лиц, непригодных к военной службе, но вполне работоспособных. Им часто приходилось работать под вражеским огнем, и они добросовестно исполняли свой долг, невзирая на смертельную опасность. Окружающие любовно называли их «землекопами» и отдавали должное их самоотверженности.

По распоряжению главного командования сухопутных войск на Западе реорганизовали пехотные дивизии, уменьшив с 12 до 9 количество входящих в них батальонов. Мы, на Востоке, сделали то же самое. Это облегчило процесс оперативного управления ими, что было большим преимуществом. Тем не менее лично я являюсь сторонником численно более крупных дивизий.

Трудно сказать, что теперь будет с нашими великолепными и гордыми вооруженными силами, целых четыре года противостоявшими всему миру и оберегавшими нашу любимую родину от ужасов войны. Неужели ей суждено совсем исчезнуть? Неужели немцы решатся еще на одно самоубийство? Я никогда в это не поверю. Я думаю, что 70–80 миллионов моих сограждан однажды вновь сплотятся и образуются. Помня о героических подвигах этой войны, они всегда будут сознавать значение для Германии сильной армии.

Летняя кампания 1915 г. против России

Запланированное на январь 1915 г. генералом фон Конрадом наступление не принесло успеха. Очень скоро русские нанесли в Карпатах мощный контрудар. Без германской военной помощи положение было бы не спасти. Сказывались и тяжелейшие погодные условия зимнего периода, они буквально изматывали солдат, проявлявших чудеса героизма. Мороз причинил значительный урон личному составу войск. 19 марта пал Перемышль.

В то время как наступление на германские земли восточнее Вислы стало стихать, великий князь только усилил атаки против австрийских войск с очевидной целью – прорваться через горы в Венгрию и тем самым существенно ослабить Австро-Венгрию.

Над двуединой монархией нависла серьезная опасность. Угроза вступления Италии в войну на стороне наших врагов приобретала реальные очертания. В этой связи Австро-Венгрия была вынуждена значительно увеличить свой воинский контингент на итальянской границе. Требовала к себе повышенного внимания и сербская армия. Среди австрийского командного состава росли пессимистические настроения. По мнению австрийских офицеров связи дело обстояло чрезвычайно серьезно. Мы информировали об этих высказываниях, а также о наших собственных мнениях главное командование германских сухопутных войск и послали на Карпатский фронт подкрепления, которые прибыли очень своевременно и успели предотвратить полный разгром австрийских войск.

Согласно общему замыслу ОКХ, предполагалось перебросить с Запада, несмотря на складывавшуюся там напряженную обстановку, часть войск на Восток, что, помимо прочего, свидетельствовало о готовности взять на себя большую долю ответственности за судьбу страны.

Генерал фон Макензен, командующий 11-й армией, вновь сформированной из частей, переброшенных с Западного фронта, получил приказ: в начале мая нанести в Западной Галиции сокрушительный фланговый удар по неудержимо рвущимся вперед русским войскам. Командующему на Востоке было поручено активизировать свои действия на передовых позициях, сковывая противника и не позволяя ему перебрасывать подкрепления в Карпаты. Осуществить подобный маневр можно было только севернее Немана в направлении Литвы и Курляндии. В апреле 1915 г. генерал фон Лауэнштейн, имея в своем подчинении прекрасно оснащенные три кавалерийские и три пехотные дивизии, двинулся тремя колоннами из Восточной Пруссии, держа курс на Шаулен. 30 апреля город был занят и цель достигнута: русские не взяли отсюда ни одного солдата, но стали спешно укреплять этот участок фронта.

В итоге вокруг Шаулена и далее к западу развернулись ожесточенные кровопролитные бои, продолжавшиеся весь май и июнь. Нам, естественно, потребовалось усилить свои войска, с этой целью была создана новая Неманская армия под командованием генерала Отто фон Белова. Уже в мае нам вновь пришлось оставить Шаулен и отойти к югу. Под Виндавой наша кавалерия занимала позиции вдоль реки Дубисса от Куршан до гавани.

7 мая лихим налетом была взята Либава. Малочисленный гарнизон ее и не защищал, а сразу сдался. Хотя и не из ряда вон выходившая операция, но проведенная успешно, а главное – без потерь.

В утренние часы 2 мая генерал фон Макензен в результате хорошо подготовленного и блестяще осуществленного наступления прорвал фронт русских на Среднем Дунаице и в последующие дни значительно расширил занятую территорию, заставив противника отвести свои войска из Венгерской равнины через Карпаты к северу. Давление на австрийские войска существенно ослабло, и очень даже своевременно: в эти дни Италия вступила в войну на стороне стран Тройственного согласия, мощь которых намного возросла.

Генерал фон Макензен настойчиво рвался к реке Сан на Ярослав и 15 мая захватил солидный плацдарм. Его фланги прикрывали австро-венгерские части, а вскоре пошла вперед и немецкая Южная армия. В начале июня русских выбили из Перемышля.

Плохое состояние тыловых транспортных коммуникаций вынудило германские войска временно приостановить продвижение. Но в начале июня все эти трудности были преодолены и наступление возобновилось. Основная тяжесть ожесточенных боев, как правило, ложилась на плечи немецких солдат. 22 июня германские войска заняли Лемберг, а через несколько дней штурмом овладели Рава-Русской, вынудив противника отступить к реке Буг. Одновременно на Средней Висле русские отошли на рубеж Люблин – Ивангород.

Разумеется, мы в Лётцене с пристальным вниманием следили за событиями в Галиции и постоянно ломали голову над тем, как бы поддержать наши операции на юго-востоке. Некоторые из противостоявших нам воинских частей русских были переброшены в качестве подкрепления в Галицию. Мы тоже направили в тот район изрядное количество наших войск. Лишь после того как ОКХ передало нам несколько вновь сформированных полков ландштурмистов, у нас появилась возможность серьезно подумать о собственных активных действиях.

Фронтальное оттеснение русских в Галиции не имело решающего значения для войны. Следовало подумать об осуществлении более обнадеживающих операций. По нашему мнению, сначала следовало захватить крепость Ровно – краеугольный камень всей неманской системы обороны русских. Это открывало бы дорогу на Вильно и в тыл армиям противника, заставляя их отступать на значительное расстояние. Сильнейший удар с севера во фланг отходящих войск неприятеля мог бы помочь закончить летнюю кампанию 1915 г. сокрушительным поражением русских, от которого им никогда бы не оправиться.

Когда мы уже намеревались приступить к разработке операции, поступило приглашение от его величества генерал-фельдмаршалу и мне явиться 1 июля в Познань. Выслушав доклад генерал-фельдмаршала, кайзер, по предложению начальника Генерального штаба, приказал продолжать наступление в Польше. Как он особо подчеркнул, 12-й армии надлежало в полосе ее действия прорвать оборону неприятеля и выйти к реке Нарев, а германским частям, расположенным в излучине Вислы, тоже следовало пробиваться к этой водной преграде. Союзные войска тем временем должны будут оперировать между Вислой и Бугом. Ничего не поделаешь, мне пришлось собственные планы, о которых шла речь выше, пока отложить.

В соответствии с указаниями ОКХ, мы приступили к подготовке форсирования реки Нарев, выделив для этого не только 12-ю армию, но и правый фланг 8-й армии генерала фон Шольца. Согласно разработанному плану, 12-я армия наступала между реками Вислой и Шкло в общем направлении на Пултуск – Рожаны, а 8-я армия – между устьями рек Писа и Шкло. Благодаря хорошей подготовке, проведенной армейским командованием и доблести германских солдат, атака, начавшаяся 13 июля, увенчалась полным успехом. Дивизии генерала фон Гальвица с ходу преодолели передний край обороны русских и продолжали неудержимо продвигаться вперед. 23 июля пали Пултуск и Рожаны, 4 августа германские войска на широком фронте штурмом овладели переправами на реке Нарев. 8-я армия тоже сумела захватить на южном берегу небольшой плацдарм. Противник повсюду оказывал упорное сопротивление, невзирая на тяжелые потери.

В излучине Вислы тем временем перешли в наступление 9-я армия и армейская группа генерала фон Войрша. Последней удалось разбить русских у Илжи и Радома, занять эти города и заставить противника отступить за Вислу. 21 июля группа переправилась через Вислу у Пилицы и продолжала идти к Варшаве. В этом же направлении продвигалась и 9-я армия, которой предписывалось обойти Новогеоргиевск с юга. В этот же период между Верхним Бугом и Вислой успешно вели фронтальные бои австро-венгерские армии.

Находившаяся в стороне от большого сражения в Польше германская Неманская армия тоже перешла в середине июля в наступление, продвинувшись в итоге далеко на Восток.

Я посчитал, что настала пора осуществить ранее задуманную операцию и нанести удар крупными силами от Нижнего Немана на Ковно и далее с глубоким охватом войск противника с тыла. Необходимые для этого воинские части можно было заимствовать у армейской группы Войрша, а также взять из 8, 9 и 12-й армий. Конечно, самый благоприятный момент был уже упущен: русские успели вывести свои соединения из Галиции, да и Ковно захватить без предварительной подготовки едва ли удалось бы. Но было еще не поздно нанести более чувствительный удар, чем в результате все еще продолжавшегося сражения в Польше.

Но и на этот раз ОКХ не изменило своего мнения и настояло на завершении в полном объеме операции на Висле и Нареве силами 9, 12 и 8-й армий в неизменном составе. Тем не менее мы решили, не откладывая в долгий ящик, организовать захват Новогеоргиевска и наступление Неманской армии.

Наши союзники в Польше с непрерывными фронтальными боями медленно продвигались вперед восточнее Вислы, безуспешно пытаясь обойти армию противника с флангов; впрочем, неприятелю удавалось избегать охвата. Снова и снова русские пытались значительными силами контратаковать и всегда находили возможность в заболоченных поймах рек и речушек привести себя в порядок, зацепиться за местность и длительное время сопротивляться. Непрерывное движение на протяжении многих недель по скверным дорогам в условиях постоянных дождей сильно измотало наших солдат. Их одежда изнашивалась, обувь пришла в негодность. Снабжение войск давалось с огромным трудом, укрыться от непогоды было негде; русские, отступая, преднамеренно и систематически уничтожали всяческие запасы продовольствия и фуража, сжигали селения и угоняли скот. Беженцев, если они мешали движению, сгоняли с дороги в прилегающие болота. Многие эпизоды, характеризующие методы ведения войны русскими, до сих пор живут в моей памяти.

Из-за трудностей с обеспечением войск всем необходимым наше наступление постепенно замедлялось и вскоре прекратилось вовсе. Один высокопоставленный российский военачальник после заключения мира с Россией в разговоре со мной заметил, что он тогда так и не понял причину нашей остановки, когда стоило нам лишь покрепче поднажать, и русская армия развалилась бы окончательно. Но если в войсках иссякли силы, то при всем желании уже не могли помочь ни высочайшая энергия, ни железная воля отдельного руководителя.

Между тем в соответствии с замыслами главного командования сухопутных войск события на других участках развивались своим чередом. В конце июля в наших руках оказались Люблин и Холм; оперировавшая в излучине Вислы 9-я армия 5 августа заняла Варшаву. Эта армия была выведена из-под нашего подчинения и действовала по прямым указаниям ОКХ. Командующему 9-й армией генерал-фельдмаршалу принцу Леопольду Баварскому была переподчинена и армейская группа Войрша. Новая система управления вовсе не облегчила мою задачу, поскольку тыловые службы 9-й армии по-прежнему находились под нашим руководством. С особым удовольствием мы восприняли известие о взятии Варшавы: припомнились тяжелые бои за этот город осенью 1914 г. Однако именно они заложили основы последующих успехов, которые венчало вступление германских войск в столицу Польши.

В следующие дни вся войсковая группа генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского переправилась через Вислу на всем протяжении от Ивангорода до Варшавы и вышла к Бугу ниже крепости Брест-Литовск, к которой также стремились части генерал-фельдмаршала фон Макензена.

Форсировав Нарев, 12-я армия двигалась прямо на восток, касаясь правым флангом верхнего течения Буга, а левым флангом – соединений 8-й армии, наступавшей на Ломжу.

9 августа закончилось полное окружение Новогеоргиевска. Взять крепость поручили генералу фон Безелеру. Это была отдельная операция в тылу наших войск, продолжавшая наступление. Долго сопротивляться 80-тысячный гарнизон новогеоргиевской крепости не мог. В середине августа наша тяжелая артиллерия смогла открыть огонь. Скоро были захвачены северо-восточные форты. Вслед за этим начался общий штурм по всему фронту, в котором участвовали главным образом ополченцы; 19 августа крепость пала.

Моему штабу пришлось трудиться с высочайшим напряжением, выполняя распоряжения свыше по захвату Новогеоргиевска, управляя 8-й и 10-й армиями, организуя наступление на Ковно, приспосабливаясь к обстановке в Литве и Курляндии. И хотя в летней кампании 1915 г. мы действовали не вполне самостоятельно, как прежде, а следуя указаниям ОКХ, на мою долю все равно выпадал огромный объем работ, связанных с принятием и претворением в жизнь не только повседневных, будничных, но и важных решений.

Между тем наступление продолжалось. Укрепления Ломжи были взяты 8-й армией еще 9 августа, а 22 августа она захватила Осовец. К верховьям Буга двигалась 12-я армия, держа курс на Белосток. Южнее наступали две группы армий под командованием принца Леопольда Баварского и фон Макензена. Последний после взятия 26 августа Брест-Литовска продвигался в направлении Барановичей и Пинска.

В какой-то момент показалось, что ОКХ намерено вообще прекратить наступление на востоке. Оно начало перебрасывать крупные соединения из группы фон Макензена, а также из 12-й и 8-й армий на запад и в Южную Венгрию. Однако ОКХ не стало вмешиваться в нашу начавшуюся после захвата Ковно операцию по вторжению в Литву и в Курляндию.

Штурм Ковно – это образец военного искусства и пример решительных действий. Для его осуществления были привлечены части 10-й армии, оперировавшие в центре и на правом фланге ее и без того слишком растянутого фронта. Только в результате этих чрезвычайных мер мы смогли сосредоточить западнее Ковно достаточно мощную ударную группировку. Руководить штурмом поручили генералу Литцману.

Задачу осложнял недостаток артиллерийских орудий навесного огня. Мы располагали несколькими батареями, передвигавшимися только по рельсам и поражавшими цели на малых дистанциях. Не желая пасовать перед трудностями, мы подвели железнодорожные пути на нужное расстояние. Как подсказывала сама обстановка, атаковать следовало на отрезке между железной дорогой Вирбаллен – Ковно и рекой Неман.

В начале августа закончились работы по прокладке железнодорожных путей, но еще не хватало боеприпасов для тяжелых гаубиц; пришлось выделить недостающее количество снарядов из моих резервов. Вдохновленные своими командирами, солдаты приготовились кинуться на крепость.

8 августа началась артиллерийская подготовка, продолжавшаяся несколько дней. Нужно было разрушить наиболее мощные укрепления. Штурмовые отряды не сразу добились успеха, на какое-то время продвижение даже приостановилось, но, к нашему счастью, русские не выдержали интенсивной артиллерийской бомбардировки. В результате 16 августа удалось вклиниться в западную линию фортов. 17 августа генерал Литцман, переправившись через Неман, захватил город и восточные форты. Военная добыча оказалась здесь скуднее, чем при взятии Новогеоргиевска. Город достался нам в полной сохранности, сожжена была только одна фабрика, однако население бежало. Здесь я смог воочию убедиться в том, с какими трудностями сталкиваются войска, размещаясь в городе, покинутом его жителями.

Далее к югу 10-я армия с тяжелыми боями вышла к Неману, в конце августа переправилась на другой берег и продолжала двигаться к железнодорожной линии Гродно – Вильно. Гродно русские сдали неожиданно быстро, и 2 сентября соединения 8-й армии вошли в город. Неманская армия до середины июля оставалась на линии реки Дубиссы до пункта юго-западнее Шавли, вдоль Венты и Виндавы до побережья. Генералу фон Белову было

приказано окружить и уничтожить крупные силы противника, сосредоточенные в районе Шавли и, принимая меры по защите своего левого фланга от возможного противодействия русских со стороны Риги, продвинуться на восточные территории к северу от Немана.

Надо сказать, что Неманская армия испытывала немалые трудности при поддержании связи со своими тыловыми службами. Стандартные по европейским меркам железнодорожные ветки оканчивались у Лаугзаргена (севернее Тильзита) и у Мемеля. Использовать порт Либавы для снабжения войск всем необходимым можно было лишь с большой осторожностью. Русские военные корабли и английские подлодки тогда господствовали в восточной части Балтийского моря.

В 8 часов утра 14 июля генерал фон Белов начал наступление, которое, сопровождавшееся ожесточенными боями, продолжалось до 23 июля и вошло в военную историю под названием «сражение у Шавли». В результате русская 5-я армия была отброшена к Паневежу и избежала полного окружения только потому, что зашедшая ей в тыл германская кавалерия не располагала достаточными огневыми средствами. 29 июля германские войска заняли Паневеж. Действовавшие на левом крыле Неманской армии кавалерийские части присоединились к пехоте, наступавшей на Митаву, которая 1 августа оказалась в наших руках. К югу от Риги русские держали обширный плацдарм, долгое время представлявший для нас серьезную угрозу. Однако в первых числах сентября удалось ликвидировать плацдарм и отбросить противника на противоположный берег Западной Двины.

Во второй половине августа уже принял конкретные формы план нанесения удара во фланг отходящим из Польши русским войскам силами 10-й армии в общем направлении на Ковно – Вильно – Минск. Ее левый фланг должны были прикрывать Неманская армия и крупные кавалерийские соединения, действуя против Двинска и рубежей на линии Полоцк – Минск. Поспешное отступление противника на восток не позволяло больше откладывать реализацию замысла. Однако уходило много времени на подготовку операции, плохие дороги препятствовали быстрому накоплению необходимых материальных запасов, да и личный состав заметно устал. Кроме того, 10-я армия подвергалась непрерывным атакам со стороны Вильно. Дни протекали в колоссальном напряжении.

Наконец 9 сентября началось общее наступление. Неманская армия успешно шла к Ивангороду и Двинску, преодолевая отчаянное сопротивление противника. Кавалерийские отряды действовали между Двинском и Вилией и быстро ушли далеко на восток. Левое крыло 10-й армии с величайшим напряжением всех сил продвигалось по скверным дорогам и в условиях плохой погоды вверх по течению Вилии в сторону Вилейки, а в это время ее части, ведущие фронтальные атаки, тоже поспешно продвигались вперед. Не выдержав двойного давления, противник, осознав грозящую ему опасность, стал медленно с боями отходить по всему фронту. Получив восточнее Двинска подкрепление, русские сосредоточились около Лиды и Слонима и нанесли через Вилейку мощный контрудар, сорвав наши планы тотального окружения армии противника.

Нам стало ясно: операцию следует прекратить. Мы отвели далеко ушедшее вперед левое крыло 10-й армии. Русская накатывавшая волна разбилась о новый рубеж обороны, отхлынула назад, и постепенно все успокоилось.

Летняя кампания против России на этом закончилась. Противник хотя и не был разбит, но все же отеснен по всему фронту, а мы сделали еще один большой шаг вперед. Волевым великий князь Николай Николаевич был отстранен от должности Верховного главнокомандующего, эти функции взял на себя царь Николай II.

Наши солдаты и командиры повсюду с честью выполнили свой долг, и в них окрепло сознание собственного военного превосходства над русскими, чье огромное число уже не страшило.

Ставка главнокомандующего на востоке в Ковно Октябрь 1915 – июль 1916

Время затишья

Год 1915-й завершился для нас со знаком плюс. В преддверии следующего года мы значительно окрепли, хотя еще далеко не использовали потенциальные возможности нашего государства и не удовлетворили все наши нужды. Противники тоже не дремали и активно вооружались, опираясь на помощь Соединенных Штатов. В грядущем году назревали гигантские битвы.

В сравнении с историческими событиями мирового масштаба дела, входящие в сферу компетенций главнокомандующего германскими вооруженными силами на Востоке, выглядят менее значительными, хотя именно они начиная с ноября 1914 г. являлись важнейшей составной частью всей войны. Теперь же у нас появилась возможность спокойно, без спешки, выполнять свои обязанности.

Условия для пребывания германских войск на востоке после окончания последнего гигантского сражения еще не были созданы, требовалось также навести порядок на занятых нами в ходе наступления вражеских территориях. Чтобы быть поближе к армии и к оккупированным землям, мы в конце октября перевели ставку в Ковно.

Ковно – типичный русский город с низкими неприглядными деревянными домишками и с широкими улицами. С окружающих холмов открывается довольно живописный вид на город, стоящий у впадения реки Вилии в Неман. По ту сторону Немана высится башня старинного немецкого рыцарского замка – символ распространявшейся на восток немецкой культуры. Неподалеку – возвышенность, с которой Наполеон, мечтавший о французском мировом господстве, в 1812 г. наблюдал за переправой через Неман своих полчищ.

Воспоминания о великих событиях прошлого нахлынули на меня. И я решил возобновить просветительскую работу немцев, которую они в течение столетий проводили на этой, вновь обретенной нами земле. Смешанное многонациональное население, предоставленное самому себе, не в состоянии самостоятельно, без посторонней помощи, создать собственную целостную культуру.

Меня наполняло гордостью, что мы, немцы, после многих лет национальной слабости и горьких разочарований сумели-таки стряхнуть чужеземное ярмо. И теперь эта самая Германия с успехом противостояла могущественному врагу, и я был уверен в окончательной победе. Иначе и быть не могло. Немецкий народ уже достаточно настрадался и не заслужил испытать новые несчастья. Руководителям страны нужно лишь позволить этому народу развернуть плечи и разжечь в нем священный огонь, который есть в сердце каждого немца, – так думалось мне, по крайней мере, в тот момент. Германии, казалось, предстояли долгие счастливые годы устойчивого развития и процветания.

При переселении из Лётцена в Ковно штабная работа шла своим чередом, не прерываясь ни на один день. В рабочих помещениях имелись необходимая телефонная связь и все другие условия.

Я часто посещал евангелические богослужения, проходившие в городской православной церкви, массивном строении, символизировавшем российское господство. Там я с большим удовольствием слушал прекрасные старинные псалмы.

Что же касается моих непосредственных обязанностей, то первым делом нужно было позаботиться о стабилизации фронта и о создании войскам приемлемых условий существования. Требовалось произвести довольно масштабную перегруппировку сил: перебросить

некоторые воинские соединения, сосредоточенные в местах главных ударов, на слабо защищенные участки фронта. Пехотные дивизии должны были сменить кавалерийские части. Прошло немало времени, прежде чем эти перестановки благополучно завершились и все войска заняли отведенные им позиции. Но о полном покое не могло быть и речи. Позиции следовало обустроить по всем правилам военного искусства, причем отдельным подразделениям приходилось осваивать оборонительные рубежи большой протяженности, что требовало от солдат значительных дополнительных усилий. Линия обороны, как правило, проходила там, где остановилось наступление, однако трудно защищаемые пункты обычно добровольно оставляли врагу, что, разумеется, не давалось легко ни командирам, ни солдатам.

Как строительные работы, так и фронтовая жизнь в целом очень страдали от плохого железнодорожного сообщения. Русские, отступая, повсюду основательно разрушили железную дорогу. Мосты через Неман и другие крупные реки были взорваны, станционные постройки сожжены, водокачки уничтожены, телеграфные средства связи разобраны, железнодорожное полотно местами скрыто, шпалы и рельсы увезены. Железнодорожным и строительным войскам, а также военным связистам пришлось крепко потрудиться.

Только после рождественских праздников удалось наладить более или менее безопасное и регулярное движение на железных дорогах и наконец появилась возможность отправлять составы с солдатами-отпускниками. В мае и августе 1916 г. закончилось строительство новых железнодорожных путей Таураге – Радзивишкис и Шавли – Митау, а позднее – и дороги от Свенцяи к озеру Нарочь. Первые две железные дороги помогли также приобщить прилегающие территории к европейской культуре.

Кроме того, в непосредственной близости от передовой появилась сеть так называемых полевых железных дорог, обеспечивших бесперебойное снабжение войск всем необходимым. Уделялось внимание поддержанию и грунтовых и других дорог в местах расположения воинских частей. В безупречном состоянии содержались магистральные шоссе Гродно – Лида, Ковно – Двинск и Таураге – Митау. В распутицу некоторые грунтовые дороги превращались в непроходимые болота, в которых тонули лошади.

Наряду со строительством железных и других дорог обустраивались и позиции. Деревину солдаты заготавливали на месте, здесь же производили часть нужной колючей проволоки. При прокладке системы траншей нам сильно досаждали грунтовые воды. Хорошую помощь войскам оказали в этом вопросе геологи.

Всеми перечисленными проблемами я занимался лишь в общих чертах, высказывая идеи и сглаживая неизбежные разногласия. Главное внимание я уделял организации размещения и снабжения людей и лошадей. Для этого были созданы неплохие условия. По той местности, на которой мы закрепились, военный смерч пронесся очень быстро, не успев причинить большого вреда. Да и русские здесь не все сожгли, как южнее, в Польше. Однако работы по благоустройству и здесь хватило. Солдаты постарались, насколько возможно, сделать свои блиндажи уютными для проживания. А довольствоваться малым и быть довольным может лишь тот, кому не раз приходилось лежать под жестоким обстрелом в чистом поле.

В тылу для людей и лошадей уже возводили бараки и временные конюшни и делали это споро и добротнo, демонстрируя порой склонность к украшательству. Кормили и одевали войска в соответствии с существовавшими нормами и предписаниями; бывали, правда, иногда перебои с доставкой картофеля. А вот с фуражом для лошадей дела обстояли хуже. Не было овса, грубые корма занимали при транспортировке слишком много места. Много лошадей пало от истощения.

Особенно больших усилий стоило уберечь от порчи на станциях разгрузки с огромным трудом доставленное продовольствие. Обычно отсутствовали подходящие складские поме-

щения. Люди повсюду старались помочь, но разного рода препятствия громоздились с такой быстротой, что подчас просто руки опускались. Своей первейшей обязанностью я считал заботу о здоровье личного состава и конского поголовья.

Во время наступления возникали трудности с оказанием надлежащей помощи раненым, теперь же, когда фронт стабилизировался, справляться с этой задачей стало легче, хотя многое еще предстояло сделать и поправить. Те немногие лечебные учреждения, которые уже имелись на занятой территории, нам не годились. Мне не терпелось вывезти как можно больше немецких раненых на лечение в Германию, но приходилось долгое время себя сдерживать. Впоследствии мы оставляли больных без осложнений и легкораненых в тыловых порядках наших войск, где они могли не только подлечиться и отдохнуть, но и найти себе посильное занятие по душе.

Хуже обстояло дело с размещением лошадей и снабжением их кормами. Главнокомандующий вооруженными силами на Востоке не раз напоминал командующим армий о необходимости проявлять больше заботы о конском парке. Наблюдались перебои и с обеспечением войск предметами экипировки, теплой одеждой, военным снаряжением, крепежным материалом, и для выправления положения мне часто случалось принимать весьма решительные меры. Пристально следил я и за своевременной доставкой писем и газет. Было нужно как можно крепче связать солдата с его родиной, поддерживать в нем патриотические чувства.

Во фронтовом тылу и в более или менее крупных городах были открыты клубы для солдат, а кое-где и для офицеров. Эти клубы выполняли очень важную роль, удовлетворяя самые насущные потребности. Об их пользе свидетельствовала активная посещаемость заведений. Действенную помощь в данном вопросе оказывало нам и наше отечество: работавшие в этих солдатских клубах женщины весьма добросовестно относились к своим обязанностям.

Меня чрезвычайно порадовало предложение наших общих с генерал-фельдмаршалом знакомых снабдить войсковые части передвижными библиотеками. Мы с готовностью ухватились за возможность обеспечить солдат духовной пищей. Эти библиотеки сослужили войскам хорошую службу. В большом количестве открылись полевые книжные лавки, которые одновременно предлагали и газеты любых политических партий. В армиях стали выпускать собственные газеты, главнокомандующий специально для этих редакций учредил обширную информационную службу. При нашей поддержке армейское руководство занималось организацией концертов, театральных постановок, демонстрацией кинофильмов. Мы с великим удовольствием делали все от нас зависящее, чтобы хоть как-то компенсировать нечеловеческое напряжение, которое выпало на долю солдатских масс, мужественно выполнявших приказы главного командования фронта.

Между тем воинская служба шла своим чередом. Уделялось внимание совершенствованию военных навыков, хотя, быть может, и в меньшем объеме, чем на Западе, из-за недостатка тренировочных площадок.

Обновились крепостные сооружения Гродно, Ковно и Либавы, были приведены в порядок оборонительные позиции на старой границе, которые обеспечивали тыловое прикрытие. На большее не хватило рабочих рук.

К моим обычным обязанностям, связанным с обеспечением германских войск всем необходимым, прибавились еще и заботы, вытекавшие из обязательств вооруженных сил и Германии в целом по отношению к занятой территории и ее населению. Я с готовностью взялся за эту многообразную работу и был полон решимости непременно сделать что-то действительно полезное.

В отсутствие каких бы то ни было местных органов управления и судопроизводства перед нами встали совершенно новые, непривычные задачи. Я могу здесь дать лишь краткое описание предпринятого, но делаю это тем более охотно, так как хотел бы таким образом выразить свою благодарность моим верным помощникам. Работу, проделанную нами

в местах дислокации наших войск вплоть до моего перевода в конце июля 1916 г., можно считать подвигом, достойным немецких рыцарей. Она была на благо и в интересах армии и моей родины, а также местного населения.

Для решения довольно сложных проблем мне понадобились надежные помощники, которые подбирались не сразу, а по мере возникновения необходимости. Таким образом постепенно рядом с моим военным штабом появился обширный орган гражданского управления под непосредственным руководством обер-квартирмейстера генерала фон Эйзенхарт-Роте.

Было важно сохранить в этой новой организации воинский дух, включая в нее военнослужащих из числа непригодных к фронтовой службе. Приглашал я и гражданских лиц, стараясь подбирать хороших специалистов: я не считал, как некоторые, что практически всякий нормальный человек способен управлять чем угодно. Мне нужны были опытные люди, хорошо осведомленные в таких областях, как сельское и лесное хозяйство, судопроизводство, финансы, школьное образование и религиозное воспитание. Поскольку лучшие кадры в первую очередь забирали вооруженные силы и государственные структуры Германии, найти подходящих сотрудников было на первых порах непросто. Позднее, когда управленческий аппарат при главнокомандующем Восточным фронтом уже зарекомендовал себя и приобрел определенный авторитет, этот процесс пошел быстрее. О кандидатах на различные должности мы непременно справлялись в соответствующих германских официальных службах. Для работы в чужой стране я старался заполучить людей во всех отношениях надежных. Специалисты из числа местных жителей привлекались крайне редко, главным образом в Курляндии.

Каждый из сотрудников управленческого аппарата, именуемого военной администрацией, исключительно добросовестно исполнял свои далеко не легкие обязанности. Приходилось действовать в совершенно новых для нас условиях, на разоренной войной территории с полностью нарушенными административными и хозяйственными связями. Перед нами было население, состоявшее из различных, взаимно враждующих народностей, которое не понимало нашего языка и в большинстве своем нас отвергало. И тем не менее нас всех в одинаковой степени вдохновляло традиционно немецкое стремление, не щадя сил и здоровья, исполнить свой долг – результат многовекового прусского воспитания.

По приказу главнокомандующего для удобства управления занятая территория величиной с Западную и Восточную Пруссию, Польшу и Померанию, вместе взятые, поделили на округа: Курляндский, Литовский, Сувалкский, Виленский, Гродненский и Белостокский. Позднее, в ходе административной реорганизации и слияния, остались только три округа: Курляндский, Литовский и Белостокско-Гродненский.

По всем вопросам территориального управления окружные руководители подчинялись представителям тыловой военной инспекции и непосредственно главнокомандующему. В их распоряжении числился чиновничий аппарат, примерно соответствовавший моему хозяйственному штабу.

Округа были разбиты на районы. Глава района отвечал за решение административных и хозяйственных вопросов, в более крупных городах этим занимался городской голова.

К районному начальству принадлежали бургомистры, а в небольших городках и в сельской местности действовали так называемые правления. Использованием сельскохозяйственных угодий ведали специальные хозяйственные чиновники, функционировавшие в рамках существовавших административных единиц. Они же заботились о своевременности сева, об увеличении производства продовольственных культур и фуража и о сохранении урожая. Другие сотрудники административных органов обеспечивали поставки всевозможного сырья и материалов для военных нужд.

Стройная система местного управления, как я ее обрисовал выше, возникла в различных районах не сразу, а постепенно, на основании изданного 7 июня 1916 г. положения об административном устройстве на оккупированных территориях.

Полицейские функции в районах выполняла военная жандармерия, в округах – жандармское управление, на территории, подвластной главнокомандующему на Востоке, – жандармский корпус. Я всегда очень сожалел о том, что по ряду причин мы не располагали германскими полицейскими органами. Германия была не в состоянии прислать нам жандармов в нужном количестве, и я скрепя сердце был вынужден снимать для этих целей с передовых позиций солдат более старших возрастов. И все же данная система поддержания законности и порядка не представляла собой что-то целостное, законченное. Быть может, отдельные жандармы и в самом деле своим поведением спровоцировали последующие чувства недовольства, но многие из них отдали свою жизнь в борьбе с многочисленными бандами.

Ввиду отсутствия каких-либо институтов судопроизводства мы были вынуждены учредить при восточной территориальной администрации управление юстиции, а в каждом районе – суды, рассматривавшие дела местного населения. Более высокой юрисдикцией обладали окружные суды, а высшей судебной инстанцией являлся верховный суд в Ковно.

Наличие подобных гражданских судов нисколько не мешало деятельности обычных военно-полевых судов, они прекрасно взаимодействовали и не создавали друг другу никаких препятствий.

Надзор за лесным хозяйством, которое не районировалось, осуществляли функционировавшие при окружных администрациях так называемые лесоводческие инспекции, самая известная из них – Беловежская военно-лесная инспекция.

Мало было организовать управленческий аппарат, требовалось еще вдохнуть в него жизненные силы, сделать способным выполнять полезную работу. Он не должен был превратиться в громоздкую бюрократическую машину, а быстро реагировать на возникающие насущные потребности. К счастью, нас не сковывали «примеры» и «прецеденты» – могильщики всякой импровизации и инициативы.

Повышенное внимание уделялось медико-санитарному состоянию населения. Особенно успешно мы справлялись с таким распространенным во многих районах заболеванием, как сыпной тиф. Нам пришлось пойти на большие жертвы, выделяя необходимый для этих целей военно-медицинский персонал.

В первую очередь нам было важно обеспечить правильное использование земельных угодий, наладить регулярное сельскохозяйственное производство и заполучить в полном объеме готовую продукцию. Привлекали мы и немецкие компании – когда требовалось организовать посевную собственными средствами на слабо заселенных территориях. Крупные имения мы взяли под свою опеку, доставили механические плуги и всевозможные сельскохозяйственные машины, снабдили посевным материалом. Засевать помогали войсковые лошади. Требовалось также побудить местное население к увеличению производства путем разумного ценообразования и оплаты наличными. Однако урожайность повсеместно оказалась из-за бедности почв очень низкой и не оправдала наших надежд. Доставка готовой продукции к железной дороге была связана с большими трудностями. Везли, как правило, много дней на маленьких одно- или двухконных повозках по ужасным дорогам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.